ЕЛЕНА ТРИФОНЕНКО

Женить чудовище

Елена Трифоненко
Женить чудовище

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68499927
SelfPub; 2023

Аннотация

На Таню свалилась куча проблем сразу: развод, потеря работы, трудности с выплатой ипотеки. И вот как-то ночью ей поступает заманчивое деловое предложение. Чтобы получить работу мечты, она должна выполнить одно непростое поручение. Ей нужно найти жену наглому самодовольному толстосуму. Тот бесит Таню одним только видом, а требования к потенциальной невесте у него просто безумные. Но чего не сделаешь ради денег. Таня берется и за поиски невесты, и за перевоспитание несносного богача.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 14
Глава 3 26
Глава 4 36
Глава 5 47
Глава 6 59
Глава 7 71
Глава 8 85
Конец ознакомительного фрагмента. 95

Елена Трифоненко
Женить чудовище

Глава 1

Ой, что это? Почему в техзадании, сброшенном заказчиком, просят написать цикл статей от лица многодетной матери? Я же договаривалась на статьи об украшениях: о кольцах там, о серьгах. А-а-а! Я что, опять напутала, когда брала заказ? Да твою ж дивизию, сколько можно?

Мне хочется бегать по потолку и причитать. У меня нет детей, ни одного, и я понятия не имею, как проходят будни многодетной матери. У меня и подруг-то таких нет. У Сони – двое детей, у Милы, как и у меня, ни одного.

Я выпиваю стакан воды, чтобы успокоиться. Я сильная и независимая женщина. Я справлюсь.

В конце концов, мне и не такое заказывали.

Вот в марте я спокойно написала цикл статей от лица ведьмы Анастасии. Редакция одной крохотной газеты снабдила меня письмами читателей – я на них отвечала, давала советы. Чуть не умерла от смеха, конечно, пока сочиняла заметки, но ведь справилась же. Придумала кучу способов снятия порчи, сто вариантов приворота. Читатели остались довольны, писали в редакцию, что мои советы их спасли.

Неужели я и не напишу о детях?

Я пытаюсь приосаниться, с гордым видом взглянуть в светлое будущее, но тут же сдуваюсь, втягиваю голову в плечи.

Черт! Тема детей для меня все еще болезненна.

Мы с мужем четыре года пытались размножиться, но ни фига не вышло. Из-за меня. У меня от рождения не все в порядке с женским здоровьем.

Год назад один убеленный сединами профессор посоветовал нам с мужем забить на продолжение рода. «С вашими проблемами, Таня, поможет только чудо, – констатировал он, – но чудеса случаются редко, так что на них лучше не рассчитывать».

Мужа во время беседы с этим профессором словно подменили. С того дня я только и слышала от него: «За что мне это? Почему мне досталась бракованная женщина, которая не способна родить? Даже у Федьки-алкаша есть сын, и у Кольки-горбатого двое, хотя ему вообще не стоило плодиться».

Меня хватило на два месяца подобного мозговыноса, потом я собрала вещи и ушла. Отравлять кому-то жизнь – такое себе занятие.

После развода я стараюсь не думать о материнстве. Просто запрещаю себе и все. На те деньги, что я откладывала с зарплаты на приданое для малыша, я взяла ипотеку. Теперь у меня есть своя однушка, этого вполне достаточно для силь-

ной и независимой.

Хотя ипотеку еще надо выплатить. С ней у меня что-то тоже не клеится. Полгода назад я потеряла работу и никак не найду новую. Бегаю вот теперь по биржам фриланса, хватаюсь за любые заказы. И косячу, косячу постоянно. А потом в кошмарах мне снится, как мою однушку загребает банк.

Так, все, хватит сопли размазывать, надо браться за ум. Отказываться от цикла статьей – слишком дорогое удовольствие. Я все напишу. У меня с детства хорошая фантазия и легкий слог.

Я беру листок и записываю все, что приходит в голову.

Хм… Детей у меня будет трое: мальчики-двойняшки и девочка. Мальчишкам будет восемь лет, девочке – три года. Сыновья будут заниматься плаванием, дочка танцами, а по вечерам мы будем устраивать дома кукольный театр.

Ой, что это за странные мокрые пятна на листе, почему чернила расплываются?

Я осторожно разглаживаю бумагу пальцами. Блин, это слезы. Капают.

Спокойно, Таня, спокойно: это всего лишь очередная заметка, не надо принимать ее близко к сердцу.

Я вооружаюсь пачкой бумажных платочков и открываю «Ворд», вбиваю название будущей статьи.

«Шоппинг с детьми».

Первые строчки идут из меня с трудом, но уже на втором абзаце я вхожу во вкус, воображение разыгрывается. Я

описываю, как мы с детьми классно шопимся, в отличие от других родителей с невоспитанными отпрысками. Мои дети, естественно, образец для подражания: ничего не хватают, всегда вежливы и мило улыбаются продавцам.

В конце заметки я даю читательницам несколько советов. Ну таких: приходите в магазин только со списком покупок, не потакайте детским истерикам.

Перечитав статью, довольно потираю руки. По-моему, я молодец. Но завтра, пожалуй, подкину эту заметку Соне, пусть оценит, достоверно ли у меня получилось. Может, она и мои советы заодно возьмет на вооружение. Ее младший иногда так выкаблучивается в супермаркете – ужас.

Сохранив текст, я смотрю на часы. Ничего себе: два часа ночи! Отлично я провела вечер пятницы – прямо закачаешься. Хотя в последнее время у меня почти все пятницы такие: деньги даются мне непросто.

Я переодеваюсь в пижаму и, почистив зубы, устраиваюсь на диване. Прежде чем заснуть, проверяю через телефон любимый сайт с вакансиями. Тот меня не радует: мое резюме никого не впечатлило, приличной работой не пахнет.

Ну что же, буду надеяться, что завтра мне повезет больше.

Я устраиваюсь удобней. Спустя пару минут уже почти засыпаю, но вдруг оживает мобильник – он моргает экраном и жужжит.

Господи, надеюсь, это просто номером ошиблись, ведь обычно в это время звонят, только если что-то случилось.

Я сажусь и хватаю телефон.

– Алло.

– Здравствуйте! Могу я поговорить с Татьяной Кольцовой?

У звонящего мне мужчины фантастически приятный баритон. Я на автомате приглаживаю разлохмаченные волосы и одергиваю майку.

– Это я. Я вас слушаю.

– Чудесно! Извините, что разбудил. Это Сергей Борисович, генеральный директор «Формулы».

Я чувствую, как сердце замирает на пару секунд. «Формула» – это фирма моей мечты. Месяц назад я подняла все свои связи, чтобы попасть к ним на собеседование, но мне так и не перезвонили. Я уже и надеяться перестала.

– Вы были у меня на собеседовании в мае, помните? – больше утверждает, чем спрашивает Сергей Борисович.

– Разве? Не уверена. – Я на всякий случай изображаю амнезию. Моя подруга Мила – менеджер по персоналу, она постоянно твердит, что кандидат на вакансию не должен казаться оголодавшим – это отпугивает.

Сергей Борисович покашливает, а потом добавляет своему тону интимности:

– На вакансию SMM-менеджера, мы взяли мужчину, но вы, Татьяна, скажу честно, были номером два из всех наших претендентов. Ваши рассказы о том, как вы помогаете всяким неудачникам найти любовь на сайте знакомств, впечат-

лили мою команду.

Мне становится нехорошо. И есть с чего – я до сих пор корю себя за то, что слишком разговорилась на собеседовании в «Формуле». Вот зачем я рассказала эйчарам, что помогала людям вести переписки на сайтах знакомств? У меня и правда была пара таких заказов, но звучит все это совершенно не солидно. Лучше бы я соврала, что вела блог для какого-нибудь «ХэдХантера», ей богу.

– А еще мне понравилось слушать, как вы учите своих клиентов вести себя на свидании, – продолжает заливаться соловьем Борисович. – Вы многостаночник, Татьяна. Сразу видно, что диплом специалиста по связям с общественностью вы получили по зову души. И ваши таланты надо обязательно пустить в дело.

М-да, кажется, с этим Борисовичем все понятно. Дядя решил разнообразить себе вечер и думает, что за вакансию я прямо сейчас приеду демонстрировать ему свои таланты. Козлина!

– Что простите? – изумленно переспрашивает Борисович. – Кто козлина?

Черт! Я что, сказала это вслух?

– Это я не вам! – тороплюсь заверить я. – Я… Я – коту! Он цветок обгрыз.

– Вы еще и цветы разводите? – цокает языком мой собеседник. – Поистине, талантливый человек талантлив во всем. Но давайте без обиняков, Танечка. Вам еще нужна работа?

– Нужна, – брякаю я на автомате, хотя фамильярность жутко режет слух.

– Очень хорошо. Я хочу, чтобы вы занялись моим… моим… – Сергей Борисович вдруг странно хрюкает и осекается. Несколько секунд он молчит, явно мучительно подбирает слова. Не часто, видимо, предлагает девушкам всякие неприличности.

На его беду, я человек добрый, отзывчивый, потому инстинктивно спешу на помощь.

– Хотите, чтобы я занялась вашим досугом?

– Нет, – обескуражено откликается Борисович. – Я хочу, чтобы вы занялись моим деловым партнером – Василием Кузнецовым, владельцем «КузнецовФарм».

На спине у меня выступает испарина. Какая я все-таки испорченная! Дядька и правда работника ищет, а я уже решила, что пристает. Но, блин, на часах три ночи, он там вообще, что ли, за временем не следит?

– Вы что-нибудь слышали о компании «КузнецовФарм»? – обеспокоенно уточняет Борисович.

– Да, немного, – нагло вру я, а про себя думаю, что и дураку понятно: раз в названии фирмы есть корень «фарм», значит фирма занимается лекарствами. – А какие задачи вы хотите передо мной поставить?

Мысль о том, что мне будут предлагать интим, вытесняет другая. Мне кажется, что Борисовичу я понадобилась в качестве шпионки. Наверное, он надеется, что я смогу вы-

красть для него рецепт какого-нибудь нового препарата.

– Я хочу, чтобы вы помогли Василию Юрьевичу Кузнецову наладить кое-какие личные контакты, – поясняет Сергей Борисович. – Уверен, что с вашей небывалой коммуникабельностью вы справитесь с этим на пятерку.

– Какие именно личные контакты вас интересуют?

– Ну… с девушками, – решается на откровенность Борисович. – Найдите ему уже бабу нормальную, а то сам он както не справляется.

Я вдруг спохватываюсь. Текущий разговор совершенно дикий и не может быть правдой. Такая ахинея способна твориться только во сне. Я, видимо, переработала немного, перенервничала, вот и снится теперь полная фигня.

Я с энтузиазмом щипаю себя за бедро, дабы убедиться, что сплю.

– Ай!

– Что такое? – пугается Борисович.

– Ничего! Ну, то есть, кое-что случилось, но не страшно.

– Наверное, ваш кот опять чудит? – догадывается он.

– Ага. Кыш! Брысь! Быстро слезь с подоконника!

Изображая заядлую кошатницу, я продолжаю напряженно размышлять о происходящем. Голова от усердия болит, а на лбу явно пытаются укорениться первые морщины. Что, черт возьми, происходит? Борисович перебрал с коньячком или… меня разыгрывают?

Внезапная догадка ставит все на свои места. Это Мила!

Решила пошутить, подговорила кого-то из друзей. Она обожает такие вещи.

Я улыбаюсь и решаю подыграть: в моей серой жизни так мало интересных событий, что даже глупый розыгрыш сойдет за приключение.

– Знаете, а я не прочь заняться контактами вашего Василия, – говорю я деловым тоном. – Я так понимаю, это будет проектная работа?

– Да, но оплачено все будет очень хорошо.

– А постоянный контракт получить нельзя? Может, помимо Василия у вас есть и другие проблемные партнеры? Давайте я сразу всем устрою личное счастье, оптом будет дешевле.

Сергей Борисович на пару секунд теряется, а потом робко уточняет:

– Мне показалось, или мое предложение вас смущает, Танечка?

– Нет, я просто… Просто устала перебиваться подработками и хочу получить нормальный долгосрочный контракт.

Он тут же добавляет голосу деловитости:

– Мне крайне импонирует ваша амбициозность, Татьяна. Я обязательно возьму вас к себе после того, как вы решите проблемы Кузнецова. Считайте работу с ним вашим тестовым заданием.

– Отлично! Когда мне следует приступить к своим новым обязанностям?

– О, не волнуйтесь. Кузнецов свяжется с вами в ближайшее время. – Борисович без предупреждения кладет трубку.

Даже «до свидания» зажилил, неблагодарный. Наверное, понял, что я раскусила розыгрыш.

Вздохнув, я откладываю телефон и падаю обратно на подушку, отключаюсь еще в полете. Вот только поспать мне толком не удается: спустя совсем короткое время меня будит раскатистая трель дверного звонка.

Хм, кого это принесло посреди ночи?

Глава 2

Незваный гость давит на звонок все настойчивей. Я щелкаю выключателем ночника, смотрю на часы. Половина четвертого. Друзья мои не склонны к ночным визитам, потому в голову сразу лезет нехорошая мысль: я залила соседей!

Однажды со мной такое случалось, очень давно, когда я еще была приличной замужней женщиной.

Под ложечкой холодеет, руки начинают трястись. Мне только потопа не хватало! Соседи снизу на днях установили себе натяжные потолки, и будет ужасно, если они испорчены. У меня нет средств, чтобы делать кому-то ремонт: я собственную ипотеку плачу с трудом.

Я срываюсь с дивана и бегу в прихожую. Правда, подлетев к двери, спохватываюсь: я, конечно, растяпа еще та, но воды на полу нигде нет.

Кстати, с чего я вообще взяла, что ко мне ломятся соседи? Может, это бандиты – решили попилить меня на органы?

Последняя версия смешит до колик, но я все же заглядываю в глазок. Заглядываю – и тут же зажимаю рот рукой, чтобы не выдать себя случайными звуками. Потому что за дверью у меня стоят два амбала с каменными лицами. Таких я в своем подъезде точно ни разу не видела. Да что там, такие мне только в фильмах попадались – про мафию.

Дзынь-дзынь-дзынь!

Амбалы, кажется, готовы на все, чтобы меня достать.

Я хочу убежать от них в комнату, вызвать полицию и начать орать, как в ужастиках, но почему-то не могу пошевелиться.

Бум-бум-бум! Бандитам надоело терзать звонок, и они, видимо, решили выломать мне дверь. Молотят в нее так, что она содрогается.

Нет, ну это уже ни в какие ворота не лезет! Ладно меня – на органы, а дверь-то в чем провинилась?

Я разъяряюсь и вполне себе грозно ору:

– Кто там? Что вам нужно?

Стуки тут же стихают, будто их и не было.

– Здравствуйте, Танечка, – раздается из-за двери миролюбивый бас. – Мы от Василия Кузнецова, откройте, пожалуйста.

– За… зачем?

– Мы должны передать вам распоряжения Василия Юрьевича. И аванс.

Аванс! Это слово ласкает мой слух и, видимо, гипнотизирует, потому что я тут же тянусь к замку. Чувство самосохранения у меня есть и регулярно подает признаки жизни, но сейчас его напрочь вытесняет желание получить работу в «Формуле». А вдруг все по-настоящему? Я уже задолбалась перебиваться подработками, мне нужен нормальный стабильный доход, чтобы не трястись из-за ипотеки.

Когда замок щелкает, амбалы решительно вваливаются в

мою квартиру.

– Простите за беспокойство, – говорит один – совершенно лысый, но с густой черной бородой.

– Что же вы ночью вот так всем подряд дверь отпираете? – возмущается другой. – Ай-ай-ай!

Оба смотрят на меня с интересом. Одеты они в респектабельные черные костюмы, но их лица с этими костюмами не вяжутся: они такие, будто мои «гости» только что кого-то прирезали в лесочке. Особенно страшная физиономия у того, что без бороды. Волосы у него сострижены до ежика, из-под него просвечивает сразу несколько шрамов. А еще у господина без бороды правое ухо будто обкусано сверху, и один глаз открывается не полностью – видимо, это последствие какой-то травмы.

Я делаю пару шагов назад и почти сразу отчаиваюсь: убегать в моей однушке совершенно некуда.

– Ох, что-то сердце прихватило, – бормочу я, решив пустить все силы на антирекламу. Ведь эти двое точно за органами пришли: больше с меня взять нечего.

– У меня, когда с почками проблемы обостряются, всегда осложнения на сердце, – развиваю мысль я. – И на легкие тоже. У меня вот одышка как у бабули.

Я делаю несколько судорожных вдохов и даже немного хриплю для пущей убедительности. Бандиты смотрят на меня удивленно.

– Да-да, я ужасно больная женщина, – заверяю я, стараясь

не дрожать. – Наследственность, знаете ли, – мама всю беременность квасила.

Бородатый бандит поворачивается ко второму, оглаживает бороду:

– Веня, а ты уверен, что мы адресом не ошиблись?

– Уверен, Гена, – отвечает тот. – Не ошиблись!

Бородач все равно хмурится:

– Василий Юрьич сказал, специалист будет, а тут какая-то тетка придурочная.

– Да она это, она! – строго возражает его дружбан (кажется, он у них за старшего). – Просто дамочка слегка разволновалась. Но это ничего. Мы ее сейчас живо утихомирим.

Он снимает пиджак и, кинув его на тумбочку, зачем-то начинает закатывать рукава рубашки. Я делаю еще шаг назад и упираюсь спиной в дверь кухни.

– Ах, да! – Бандит с покусанным ухом расплывается в улыбке и хлопает себя по лбу. – Про деньги забыл.

Он достает из кармана брюк стопку купюр и кладет ее рядом с пиджаком.

– Это вам. Сейчас вам нужно проехать с нами, Танечка. Таковы распоряжения Василия Юрьевича.

– Куда проехать? – едва ворочая языком от волнения, спрашиваю я.

– К нему домой.

– Хорошо, – киваю я, как болванчик. – Я только переоденусь.

Я делаю неуверенный шажок в сторону комнаты. Я живу на третьем этаже, и, если связать все имеющиеся простыни, можно попытаться спуститься по ним во двор. Я, конечно, жуткая трусиха, но, когда на кону собственные органы, можно и переступить, знаете ли, через некоторые фобии.

Наверное, план побега отражается у меня на лице, потому что бородач крепко хватает меня за руку.

– Не надо переодеваться, Татьяна. Вы и так прекрасно выглядите.

– Кстати, да, – говорит тот, что за старшего, – Веня. – Вы, женщины, вечно собираетесь по два часа. А Василий Юрьевич у нас человек занятой и ждать не любит.

– Но я же… – я показываю руками на пижаму. Она у меня шелковая, довольно легкомысленная – майка и короткие шорты. – Я же не одета.

Веня поддевает с полочки у двери связку ключей.

– От квартиры?

– Ага.

Он вкладывает ключи мне в руку:

– Запирайте и поехали.

Взгляд у него такой зловещий, что, кажется, лучше не возражать. И я не возражаю – нацепив шлепанцы, запираю родную однушку на два замка.

– Умница! – хвалит Веня, а его товарищ хватает меня под руку и тащит к лестнице.

Мы выходим во двор. Мужчины подводят меня к черному

джипу с тонированными стеклами. На улице, как назло, не души.

У меня трясутся поджилки. Господи, меня похищают, а я не знаю, что предпринять! А все из-за того, что с детства берегу свои трепетную нервную систему и не смотрю криминальную хронику. А надо ее смотреть, Таня, надо!

Бородач заталкивает меня на заднее сидение джипа и садится рядом. Веня устраивается за рулем. В машине пахнет кожей и чем-то терпким. Я вжимаюсь в сиденье и пытаюсь не умереть от страха.

– Вас, надеюсь, не укачивает? – сердито уточняет Веня, поглядывая на меня в зеркальце заднего вида. – Я только салон помыл.

Я мотаю головой. Веня достает откуда-то большой черный пакет, протягивает мне.

– Держите.

Душа улетает в пятки.

– На голову надеть? – сглотнув, уточняю я.

– Чего? – Веня как будто удивляется. – Не, это на случай, если вас все же укачает.

– А! Ладно. – Я раскладываю пакет на коленях, нервно разглаживаю целлофан.

Меня ни капли не утешает то, что мне разрешают смотреть на дорогу. В кино это плохой знак: тот, кто много знает, бандитам не нужен.

Мы выезжаем из моего микрорайона и движемся в сторо-

ну выезда из города. Я живу на окраине, так что где-то минут через десять пути многоэтажки за окном машины сменяются маленькими домиками. Веня еще ни капли не стесняется нарушать скоростной режим, летит так, что у меня в ушах свистит.

После того, как мы пару раз чуть не врезаемся в другие машины, я зажмуриваюсь. Старательно пытаюсь вспомнить какую-нибудь молитву, но в голову лезут исключительно матерные стихи Есенина. Приходится бормотать про себя именно их, чтобы сохранить спокойствие.

Через десять минут я с удивлением понимаю, что автомобиль паркуется.

– Приехали! – радостно говорит Веня.

Открыв глаза, я обнаруживаю, что мы въехали во двор аляповатого особняка с колоннами и бронзовыми львами у крыльца.

Бородач вываливается из машины и выдергивает из нее меня, придирчиво оглядывает.

– Волосы ей поправь, – подсказывает Веня, когда тоже выбирается из авто.

Бородач приглаживает мои волосы, одергивает на мне шорты.

– Вроде нормально все, – говорит он удовлетворенно, а потом толкает меня в спину. – Шагай.

Мы поднимаемся на крыльцо. Там нас уже ждет какой-то сухонький старичок миролюбивого вида. Он распахивает

для нас дверь и широким жестом предлагает войти.

– Здравствуйте! – бормочу я на автомате (родители с детства твердили мне, что со старшими нужно быть вежливой).

Старичок не отвечает, смотрит на меня удивленно. Наверное, не привык к тому, что заложницы подают голос.

– Михалыч, а где хозяин? – спрашивает у него Веня.

– В гостиной, – отвечает тот.

Я оступаюсь, неудачно подворачиваю ногу. Все из-за шлепанцев: они у меня на небольшой платформе. Идти теперь немного больно, но мне не дают прийти в себя.

Тычками в спину бородач заставляет меня пройти холл и двинуться по коридору. Мы идем мимо вереницы одинаковых дверей, доходим, кажется, до пятой, и только потом мои сопровождающие останавливаются.

– Давай ты рапортуй, – говорит Веня бородачу.

– Чего это сразу я? – огрызает тот. – Твоя очередь.

– Вообще-то, я в прошлый раз отчитывался, так что теперь ты должен.

– Ага, конечно! Я до этого, между прочим, два раза подряд докладывал – бурчит бородач. – Так что и с тебя – два раза.

Я смотрю на них открыв рот. Их будто подменили, вместо суровых амбалов передо мной два нашкодивших детсадовца, которые боятся получить втык от воспитательницы.

Бандиты замечают мой интерес и тут же меняются в лице, снова становятся деловыми и серьезными.

Веня делает глубокий вдох и, пару раз стукнув в дверь согнутым пальцем, ее распахивает.

Комната за дверью довольно уютная. Пол ее устилает пушистый белый ковер, вдоль одной из стен стоит стеллаж с книгами. Посреди комнаты расположен диван, а перед ним маленький столик. На диване, положив ноги на столик, сидит мужчина в майке и рваных джинсах. В руке он сжимает стакан с чем-то золотисто-коричневым.

Когда мы вваливаемся в комнату, на лице мужчины проступает удивление. Он довольно долго пялится на меня, а потом становится ужасно раздраженным, спрашивает:

– Кто это?

– Специалист, – блеющим тоном отвечает Веня.

Мужчина смотрит на него с укоризной.

– Ты уверен?

– А я говорил тебе, – тихо ворчит бородач, испепеляя Веню взглядом.

Веня бухает свою клешню мне на плечо. Она у него такая тяжелая, что у меня даже колени подгибаются.

– Василий Юрьевич, она это, – говорит Веня. – Я все проверил.

Мужчина в джинсах снова смотрит на меня. В глазах его откровенная неприязнь и недоверие. Я помалкиваю – раздумываю, чего бы такого ляпнуть, чтобы отпустили.

– Ты – Татьяна Кольцова? – наконец спрашивает мужчина в джинсах. По всей видимости, он и есть хозяин особняка,

тот самый Василий Кузнецов, о котором мне говорили по телефону. – Ты специалист по пиару?

– Да, – отвечаю я. – А что, не похоже?

Он снова окидывает меня хмурым взглядом, а потом цедит:

– Я, конечно, не часто с пиарщиками общаюсь, но ты както на девочку по вызову больше похожа. Могла бы и поприличней одеться, знаешь ли, когда едешь на встречу с серьезным человеком.

На меня накатывает возмущение.

– А вы, собственно, кто такой? – спрашиваю я, скинув руку Вени и выкатив грудь колесом. – По какому праву, вы меня похитили?

– Похитил? – Глаза Кузнецова широко распахиваются. Он переводит взгляд на моих сопровождающих, смотрит с упреком. Его люди синхронно вжимают головы в плечи.

– Никого мы не похищали, – торопливо возражает Веня. – Привезли, как было обговорено. Доставили в лучшем виде.

– В лучшем виде? Мне даже переодеться не дали! – восклицаю я и невольно топаю ногой. – Я, между прочим, в пижаме.

– В пижаме? – Кузнецов опять начинает меня разглядывать, как какой-нибудь экспонат, ему вдруг становится очень весело. – То есть ты вот в этом спишь? Прикольно. А покрутись немного, я хочу посмотреть, как там сзади.

– Что?

Он делает рукой вращательное движение, нетерпеливо так:

– Покрутись.

Я прямо обалдеваю от такой наглости, скрещиваю руки на груди.

– Может, вам еще и сплясать тут?

– А ты можешь? – На его лице появляется довольно похотливое выражение. – Ну давай.

– Не собираюсь я вам плясать! – восклицаю я. – Вы совсем, что ли?

Он морщится:

– Ой, не надо, пожалуйста, так кричать. Терпеть не могу, когда женщины кричат. Не хочешь танцевать – не надо. Я вообще позвал тебя к себе не для танцев, а чтобы прояснить некоторые детали нашего сотрудничества.

– Ваши люди меня напугали, – бурчу я. – Они у вас как из леса. Даже не объяснили ничего толком: куда везут, зачем.

Кузнецов неторопливо делает глоток из стакана, который держит в руках, а потом, вместо того, чтобы извиниться, уточняет:

– А тебе передали аванс?

– Передали, – торопится встрять Веня.

Лицо Кузнецова тут же мрачнеет.

– Веня, я не тебя спрашиваю, а нашу гостью.

Веня поворачивается ко мне и смотрит с мольбой. Прямо как Хатико.

– Передали же, правда?

– Вроде что-то передавали, – припоминаю я. – Были какие-то деньги.

– Так чего ты истеришь тогда? – с торжествующим видом спрашивает Кузнецов. – Взяла деньги – будь добра их отрабатывать.

– В четыре утра?

Он ухмыляется.

– Мне кажется, я нормально доплатил за срочность.

Ей богу, хочется стукнуть его по наглой роже. Понятия не имею, сколько он там заплатил, но на такое вот обращение я не подпишусь ни за какие деньги. Я несколько раз открываю и закрываю рот, но так и не нахожу слов, чтобы передать накатившие эмоции.

– Ладно, ребят, – говорит Кузнецов, смягчаясь. – Подождите снаружи. Может, мы с этой дамочкой и договоримся еще. Сергей Борисович очень уж ее расхваливал, а врать ему не зачем.

Глава 3

Моих сопровождающих как ветром сдувает. Кузнецов делает еще один глоток из стакана, а потом вальяжно кивает на диван рядом с собой:

– Присаживайся, Таня.

– Зачем?

– Обсудим наше сотрудничество.

Я подхожу к нему ближе, но не сажусь, испепеляю Кузнецова взглядом.

– А почему вы со мной на «ты»? Мы с вами на брудершафт не пили.

Он смотрит удивленно:

– Чего?

– Того! – буркаю я. – Я бы хотела, чтобы вы обращались ко мне на «вы».

– Ты чего такая строгая, Танчик? – ехидно спрашивает он. – Расслабься, никто тебя не обидит.

– Знаете, мне не подходит такой формат работы: ночью, в незнакомом месте, – строгим тоном говорю я. – Я предпочитаю беседовать с клиентами где-нибудь в кафе, в заранее обговоренное время.

– Фу, – кривится он. – Ненавижу кафе. Людишки эти галдящие, невкусно…

Нет, вы поглядите, какой социофоб! Я украдкой вздыхаю,

поправляю бретельку майки.

– Ладно, можем и у вас дома побеседовать. Но явно не посреди ночи. Велите, пожалуйста, вашим людям отвезти меня домой, а завтра созвонимся и договоримся, когда нам обоим удобней встретиться.

– Мне сейчас удобно, – возражает он. – У меня бессонница, так что сделай над собой усилие и приступай к рабочим обязанностям.

Да уж, этот тип совершенно непробиваемый.

Я внимательно его разглядываю. Кузнецов – довольно мускулистый мужчина, широкий в плечах. У него серо-голубые глаза и темные волосы. Пострижены они довольно коротко, а вот бритьем Кузнецов явно пренебрегает – его щетине дня три. Тем не менее этого товарища можно было бы назвать красивым, если бы не наглый взгляд и высокомерная ухмылка, которые портят все впечатление.

– Знаете, я, пожалуй, откажусь от сотрудничества с вами, – вкрадчиво говорю я. – Я не готова вот так, по щелчку, срываться в ночь и терпеть фамильярности.

– Что, даже за работу в «Формуле» не готова? – с издевкой уточняет он. – Сергей Борисович, по-моему, ясно выразился: он возьмет тебя к себе, только если ты угодишь мне.

Я чувствую раздражение. Работа в «Формуле» была бы так кстати! Но я ведь себя не на помойке нашла и пресмыкаться не собираюсь.

– Я, пожалуй, наберу Сергею Борисовичу утром и попро-

шу другое тестовое задание, – говорю я, вздернув нос.

– А зачем ждать утра? Прямо сейчас и спроси. Уверен, он тебе откажет.

Кузнецов отставляет стакан и смотрит на меня с каким-то мстительным удовольствием.

Я развожу руками.

– К сожалению, когда ваши люди ворвались ко мне в квартиру, они не дали мне нормально собраться. У меня с собой только ключи, а телефона нет.

Кузнецов встает и подходит ко мне.

– А телефон тебе и не нужен. Можешь переговорить с ним с глазу на глаз.

– В смысле?

Он приобнимает меня за плечи и подталкивает в сторону двери.

– Сергей Борисович сейчас у меня в гостях.

– Прекрасно! – восклицаю я, хотя на душе начинают скрести кошки.

Сто процентов, Борисович этот мне откажет. Я сейчас еще в таком виде – хоть стой, хоть падай.

Мы проходим с Кузнецовым через коридор и останавливаемся у лестницы, ведущей куда-то вниз. Господи, что у него там? Пыточная?

– Спускайся! – велит Кузнецов тоном, не терпящим возражений.

– Не хочу! – Я хватаюсь за перила, решая сражаться за

жизнь. Я еще слишком молода для того, чтобы быть замученной в каком-нибудь подвале.

Кузнецов наклоняет голову на бок:

– Иди вниз, Танчик. Чего встала?

– Не пойду.

– Почему?

– Не надо, пожалуйста, – жалостливым голосом бормочу я. – Я сделаю все, что захотите.

– Так я же сказал: хочу, чтобы ты шла вниз.

Он пытается отцепить мои пальцы от перил, но я брыкаюсь, отпихиваю его ногами. Я могу быть сильной и упрямой, когда по-настоящему испугаюсь.

Получив коленом в довольно чувствительное место, Кузнецов отшатывается, смотрит с подозрением.

– Что-то я не понял, Таня: ты пьяная, что ли?

– Я вообще спиртное не употребляю.

– Понятно.

Он подозрительно ухмыляется, а потом резко дергает вниз мои шортики, стягивает их почти до колен.

Меня как электричеством ударяет.

– Да как вы смеете? – визжу я. И само собой, отцепляюсь от перил, чтобы вернуть шорты на попу.

Кузнецов пользуется моментом, сгребает меня в охапку и взваливает на плечо.

– Поставьте меня на место! – воплю я и несколько раз бью его по спине.

Ему мои хлопки как слону дробина. Он разворачивается и неторопливо спускается по лестнице.

– Не надо! Нет! – Я дрыгаю ногами и пытаюсь за что-нибудь ухватиться.

– Да успокойся ты! – беззлобно бурчит Кузнецов, перехватывая меня покрепче. – Иначе мы сейчас вдвоем шеи переломаем.

Он такой невозмутимый, будто ему вполне привычно затаскивать женщин в подвалы. Я набираю полную грудь воздуха и кричу изо всех сил:

– Спасите! Эй, кто-нибудь, пожалуйста!

На мои крики никто не отзывается. Кузнецов минует ступени, проходит через узкий коридор и несколько дверей и только потом ставит меня на ноги. Я озираюсь. Мы в маленькой комнатке, обшитой деревом. Кажется, это сауна. Здесь не жарко, но заметно теплей, чем было в гостиной.

Передо мной на деревянной полке похрапывает, уложив под голову березовый веник, мужик в желтых труселях. Он на редкость мохнатый товарищ, настоящий мишка. У него даже спина покрыта густыми черными волосами.

– Ну прямо засмотрелась, – ревниво тянет Кузнецов. – Общайся давай и пойдем.

– Это Сергей Борисович? – уточняю я.

– Он самый.

Из мужика в желтых труселях вырывается громовое: «Хррр!», и я вздрагиваю. Интересно, возможно ли его вооб-

ще разбудить? Помню, я как-то в поезде с похожим товарищем ехала – он не просыпался, даже когда падал с верхней полки.

– Доброе утро! – нерешительно говорю я, трогаю мужика в желтых труселях за руку. – Сергей Борисович? Ау?

– Да смелей ты! – подсказывает Кузнецов. Судя по его виду, он упивается всем происходящим.

Я набираюсь смелости и трясу мужика за плечо:

– Сергей Борисович!

Мужик в ответ только губами шлепает и храпит себе дальше.

Кузнецов оттесняет меня в сторону и хлопает Борисыча по щекам.

– Серег, проснись! Серега!

Спустя какое-то время тот перестает всхрапывать и приоткрывает один глаз.

– А?

– С тобой тут девушка хочет поговорить, – объясняет Кузнецов. – Прямо из штанов выпрыгивает.

Голос у него веселый и беспечный. Кузнецов явно верит, что мне не светит других тестовых заданий, кроме него самого.

Сергей Борисович скользит по мне осоловелым взглядом, а потом вяло машет клешней.

– Скажи ей, что я женат. Мне эти беспорядочные связи не нужны: меня Катька прибьет. Она у меня, сам знаешь, какая.

Он поправляет веник под головой и отворачивается к стене. Кузнецов смотрит на меня торжествующе.

Нет, ну до чего у него самодовольная физиономия! Интересно, он с такой родился? Мне невольно представляется младенец в коляске с небритым напыщенным лицом Кузнецова. Я давлюсь смехом.

Кузнецов смотрит на меня с подозрением.

– И что тебя так рассмешило?

– Ничего.

Он, кажется, не верит, но тему не развивает, спрашивает:

– И какие у тебя теперь планы, Танчик? Будешь ждать, пока Серега тебе еще что-то скажет, или вернемся к переговорам?

Я с сожалением кошусь на мохнатую спину Борисовича.

– Я думаю, надо подождать, пока он протрезвеет.

Кузнецов набычивается.

– Это ты на что сейчас намекаешь? Кому тут надо протрезветь? Сереге? Да он вообще не пьет, если только стопку пропустит по праздникам – и все. Он просто устал, пахал без выходных две недели подряд.

Я демонстративно потягиваю носом:

– Ага, воздух тут пропах усталостью.

Кузнецов тоже принюхивается, а потом расплывается в улыбке:

– Да это мы просто бутылку настойки от ревматизма случайно грохнули. Стекла я собрал и выкинул, а запах пока не

выветрился.

Наконец-то передо мной вырисовывается картина происходящего. Два мужика перепили и почему-то вместо того, чтобы вызвать девочек, вызвали меня. Наверное, плотские радости им уже наскучили, хочется чего-то позабористей. А я что? Я ничего. Я могу и подыграть немного. В конце концов, даже интересно, что там в мозгу этих ушибленных богачей родилось.

– Ладно, – говорю я Кузнецову, – пойдемте обсуждать условия сотрудничества. Уговорили.

Он потирает руки.

– Ну наконец-то! А я уж думал для налаживания взаимопонимания тебе массаж предложить. Я хорошо массаж делаю. Особенно баночный.

– Пойдемте, господин Кузнецов.

– Для тебя просто Вася, – говорит он с щедрым видом.

Мы выбираемся из подвала. Я двигаю в сторону гостиной, но Кузнецов хватает меня под локоть.

– Не туда.

– Разве?

– На кухню пошли. Лучше всего обсуждать дела за чашкой чая.

При слове «кухня» мой живот издает протяжное урчание – предатель!

Кухня в усадьбе Кузнецова размером с мою однушку. Тут есть куча разной техники, сотня шкафчиков и длинный стол.

Кузнецов усаживает меня за него, а потом шагает к двустворчатому холодильнику.

– Ты с чем чай предпочитаешь пить?

– С лимоном, – говорю я.

– Хорошо. У меня как раз есть лимон.

Он ставит передо мной огромное блюдо с мясной нарезкой. Среди кусочков разных колбас и карбонада виднеется несколько лимонных долек. До того, как я успеваю придумать остроту насчет этой тарелки, рядом с ней появляется чашка с булочками и несколько мисок с салатами. А следом Кузнецов притаскивает блюда с фруктами и овощами.

– А чай? – напоминаю я.

– Да ну его! У меня есть кое-что получше, – Кузнецов ставит передо мной графин с чем-то коричневым.

– Что это?

– Компот. Из сухофруктов, – Кузнецов подозрительно скалится. Он разливает коричневую жидкость по двум бокалам и один из них придвигает мне. – Попробуй, тебе понравится.

Я киваю, но решаю этот его компот не пить. Еще не хватало обнаружить себя через пару часов в обнимку с веником рядом с Борисовичем. Его воинственная Катька пугает меня до чертиков, да и за деловую репутацию тревожно.

– Выкладывайте, – говорю я Кузнецову, придвигая к себе блюдо с мясной нарезкой. – Что вы хотите от меня?

– Хочу, чтобы ты нашла мне жену. Хорошую.

– А подробней?

Он разваливается на стуле и мечтательно возводит глаза к потолку.

– О, я совсем не привередлив. Мне нужна здоровая, красивая девушка с кротким нравом. Главное, чтобы она любила детей. И была не старше двадцати одного года.

Я закашливаюсь, на глаза наворачиваются слезы. Кузнецов не остается в стороне – ответственно лупит меня по спине с обеспокоенным лицом. Рука у него тяжелая, так что я быстро прихожу в чувства.

Кузнецов подносит мне бокал со своим варевом. Потеряв бдительность, я делаю пару глотков. На вкус жидкость и правда обыкновенный компот из кураги – зря я надумала всякого. Хотя моя нервозность вполне объяснима: такой сумасшедшей ночки у меня отродясь не случалось.

Глава 4

Когда я вытираю губы салфеткой, Кузнецов продолжает свою речь:

– Я хочу, чтобы моя будущая жена никогда со мной не спорила, во всем меня слушалась и не устраивала сцен, когда я собираюсь…

– Подождите, – перебиваю я, – вы только что сказали, что хотите себе девушку младше двадцати одного года? Вы это серьезно?

– Да, а что?

– А вам самому-то сколько?

– Тридцать четыре, – говорит он, расправляя плечи и всем своим видом показывая, какой он орел.

Я чувствую раздражение. И нет, это не потому, что я одинока в свои двадцать девять. Это потому что… Потому что я ненавижу эйджизм, да.

– И зачем вам молоденькая? – спрашиваю я, придвигая к себе одну из мисок – с салатом, похожим на оливье.

Кузнецов фыркает:

– Танчик, ну ты же вроде взрослая женщина – почему задаешь глупые вопросы? Я хочу воспитать женушку под себя. И мне не нужна замордованная жизнью тетка, у которой из-за неудач в личной жизни испортился характер. Мне нужна свежая, нулевая, так сказать, модель. От девятнадцати до

двадцати одного. Совсем соплячку мне не надо, нет.

– Наверное, вы хотите, чтобы она еще и девственницей была? – ехидно уточняю я. – Нецелованной?

Он задумывается, потом кивает с серьезным видом:

– Ну, было бы неплохо, конечно. Все-таки она станет матерью моих детей. Я говорил уже, что хочу четверых?

Я мотаю головой. А он еще больше расходится:

– Да, хочу четверых. И надо, чтобы девушка была готова беременеть сразу после свадьбы. Тянуть мне некогда. Я не готов на выпускной детей тащиться старикашкой с клюкой.

– Сомневаюсь, что двадцатилетняя девочка захочет беременеть сразу после свадьбы, – ядовито бурчу я с набитым ртом. – Ей вообще-то еще надо университет закончить, мир посмотреть.

– Какой еще университет? – В глазах Кузнецова проступает раздражение. – Не надо нам университета. Девица с высшим образованием мне дома на фиг не нужна: от таких одни проблемы и вынос мозга.

– Вы серьезно?

– Конечно! Сужу по своему горькому опыту. Имел, знаешь ли, возможность удостовериться.

Я поспешно засовываю в рот еще одну ложку оливье – ну, чтобы не ляпнуть чего-нибудь грубого.

Кузнецов придвигает ко мне блюдо с булками и завершает мысль:

– Мне нужна мягкая, домашняя девушка, без амбиций.

Повар там или учительница начальных классов. Можно и вообще без образования. Зачем оно ей, если я хочу, чтобы она посвятила себя домашнему очагу?

Какой же он мерзкий! – мысленно констатирую я. – Махровый сексист какой-то. Даже мой бывший муж поблек на его фоне, а я-то думала, что уж его-то никому не затмить.

– Ну ты чего молчишь-то? – толкает меня плечом Кузнецов. – Спрашивай еще что-нибудь. О своей будущей жене я могу говорить часами.

Оно и видно, ага. Глаза его горят каким-то лихорадочным светом, а на губах опять придурковатая улыбка. Но лучше и правда что-нибудь спросить, не сидеть в тишине.

– А по внешности будут пожелания? – Я надкусываю первую попавшуюся булку и замираю: вкуснотища.

– Так-так, – Кузнецов ненадолго задумывается, потом с интересом смотрит на меня. – А ты можешь встать ненадолго?

– Могу, – я выбираюсь из-за стола с булкой в руке.

– Ну вот смотри, – тянет Кузнецов, оглядывая меня. – Мне нужна женщина совсем другой комплекции. Ты слишком худая и костлявая. На диетах, поди, сидишь?

– Василий, – хмурюсь я. – Ближе к делу.

Он обрисовывает руками мои бедра.

– Мне вот надо, чтобы здесь пошире. И здесь! – Его руки смещаются в сторону моей груди. Я их на всякий случай отпихиваю.

– Понятно, – говорю я и снова плюхаюсь за стол.

Кузнецов делает круг по кухне, возбужденно размахивая руками:

– Мне нужная крепкая, молодая девка. Такая, чтобы во время беременности на рыбалку со мной ездила, а не стонала в углу в обнимку с тазиком.

– Ага, запомню, – киваю я. Мне еще бабушка в детстве говорила: с сумасшедшими не спорят.

– И еще у меня одно пожелание есть, – Кузнецов подходит ближе и зачем-то ерошит мои волосы. – Хочу, чтобы у нее коса была. До пояса.

Я незаметно отодвигаюсь: не люблю, когда вот так беспардонно лапают.

– Вот зачем вы, женщины, стрижетесь так коротко? – говорит Кузнецов с осуждением косясь на мою прическу. – И краситесь еще в этот ужасный пошлый цвет?

– Ничего он не ужасный, – возражаю я, откладывая булку. – У меня от природы похожий. Я всего на пару тонов осветлилась.

– Вот моя краситься не должна, запомнила? – Кузнецов придвигается, нависает надо мной. – Я люблю, когда у женщины все натуральное. – Он опускает глаза вниз и получается, что заглядывает прямо в вырез моей майки.

Я от такой наглости впадаю в легкое оцепенение, но уже через пару секунд беру себя в руки и прикрываю вырез ладонью.

– М-да, грудь мне точно побольше надо, – хмуро констатирует Кузнецов. – На пару размеров. У тебя единичка?

Кажется, я краснею. Вот уж на редкость хамское создание мне досталось от Борисовича. Как такого женить вообще? Не удивительно, что он ко мне обратился: нормальные женщины явно разбегаются от него с визгом.

Но может, он не совсем неадекват, просто пьяный? Может, к вечеру он придет в сознание и умерит аппетиты?

Я снова поднимаюсь из-за стола:

– Хорошо, Василий, я все поняла. Дальнейшие детали обсудим завтра-послезавтра, сначала мне надо обдумать всю полученную информацию.

Он присаживается на стол, прямо между тарелками, и недовольно морщится.

– Нет, ты ничего не поняла, Таня. Я хочу, чтобы ты посвятила работе со мной все свое время. Я хочу, чтобы ты переехала ко мне и сопровождала меня на работе. Мне надо закрыть вопрос с женой в ближайший месяц, но я человек занятой. Мы будем обсуждать мою личную жизнь каждый раз, когда у меня будут появляться свободные минутки.

Я чувствую, как во мне все закипает. Да что этот гусь о себе возомнил? Он правда верит, что я буду бродить за ним тенью с блокнотиком и с подобострастием внимать каждой его новой придури? Да ни за что!

– О переезде к вам не может быть и речи! – гневно заявляю я ухмыляющемуся Кузнецову. – И у меня есть другие

проекты, которыми нужно заниматься параллельно с вашей женитьбой.

– Откажись от других проектов. Я хорошо заплачу.

– Нет. Я не могу их бросить без ущерба для репутации

Кузнецов подцепляет с блюда кусок сала и, отправив его в рот, задумчиво разжевывает.

– Кажется, у Сереги в фирме тебе ничего не светит, – припечатывает он чуть погодя. – Душная ты, Танчик. И нерасторопная.

Мне хочется надеть ему на голову миску с недоеденным оливье, но я сдерживаю себя.

– Значит, поищите себе другого специалиста, – с гордым видом говорю я. – И велите своим людям отвезти меня домой.

– С какого перепуга? – ухмыляется он. – Они не таксисты вообще-то. Не хочешь на меня работать – сама до дома добирайся.

У меня сдают нервы. Я беру со стола стакан с компотом и выплескиваю его в лицо Кузнецову. Он смотрит удивленно, темные капли красиво сбегают по его небритому лицу.

– Ты больная?

Я немножко жалею о содеянном.

– Извините, – бормочу я. – Я не специально. Я с детства неуклюжая.

Он находит салфетку, вытирает лицо, а я пулей выбегаю из кухни в холл.

И что мне теперь делать? Я не могу добираться домой в пижаме: на трассе меня примут за какую-нибудь ночную бабочку, и тогда проблем не избежать. А силы у меня на исходе – еще одного приключения моя нервная система просто не переживет.

Седьмое чувство, впрочем, подсказывает не раздумывать, а быстрей покинуть дом. Я его слушаюсь.

Выйдя на крыльцо, обнаруживаю там давешнего старичка. Выглядит он довольно дружелюбно, располагает к себе. Ой, а может, удастся его разжалобить?

– Дяденька, миленький, – блею я, сложив руки в молитвенном жесте, – вызовите мне такси. Пожалуйста!

Он смотрит на меня задумчиво, чешет в затылке.

– Мне надо в город, – объясняю я. – Домой.

Старичок разводит руками:

– У меня нет телефона. И вообще мне не велено с тобой разговаривать.

Мне хочется, как в детстве, затопать ногами. Вот же противный старый хрыч! Вообще, все они тут противные подобрались.

– А может, вы дадите мне какую-нибудь кофту? – Я снова заглядываю в глаза старичку с жалобным видом. – Я потом пришлю ее обратно с курьером. И брюки бы мне не помешали.

Его лицо чуть смягчается, взгляд светлеет.

– Ладно, подожди тут, – говорит он и уходит куда-то за

дом.

Я приободряюсь. На улице, к счастью, уже рассвело, солнце вовсю пригревает. День явно будет погожий, и, возможно, я доберусь до дома без приключений. Мне бы только одеться.

Старичок возвращается обратно с оранжевой жилеткой в руках.

– Держи! От рабочих осталось.

Я сглатываю. Надеюсь, он не имеет в виду, что рабочих тут где-то и прикопали? Впрочем, лучше не уточнять. Мне и без того страшно.

– А больше ничего нет? – спрашиваю я с надеждой. Жилетка яркая, а мне совсем не хочется привлекать к себе внимание на трассе. – Может, и штаны какие-нибудь найдете?

Старик мрачнеет, почти рычит:

– Нет штанов. Иди уже, пока Рыжий тебя не увидел.

Господи, кто такой Рыжий? Собака, что ли, бойцовской породы? Если да, то мне и правда лучше сматываться, пока не поздно.

– Вам жилет возвращать потом? – спрашиваю я упавшим голосом.

– Не надо, – отвечает он и нервно озирается.

Выбирать не приходится. Я накидываю жилетку и буквально тону в ней. Надеюсь, вид у меня теперь менее развратный, но ручаться за это не могу.

– А город где? – спрашиваю я у старичка, запахнув жилет.

Он машет в сторону калитки:

– Там.

Калитка не заперта, так что уже через пару секунд я оказываюсь на улице. Свобода!

Мне даже не верится, что удалось вот так просто уйти. Я делаю глубокий вдох, а потом оглядываюсь. Улица совершенно безлюдна, но дома за узорчатыми заборами довольно респектабельные. Я быстро отбегаю от коттеджа Кузнецова метров на сто, а потом прислушиваюсь. Весело щебечут птицы, ветер шелестит листвой, но вокруг по-прежнему не души. Не у кого дорогу в город спросить.

Немного подумав, я выбираю направление самостоятельно и топаю по улочке. Моя цель – выйти к трассе, а уж там я разберусь, в какой стороне Краснодар.

Хорошо, что меня летом вот так похитили. Зимой вернуться домой было бы сложней.

Я иду, наверное, минут десять, как вдруг ровный асфальт сменяется старым и убитым, в ямах. А еще мне кажется, что впереди маячит лес – густой и мрачный. М-да, просчиталась с направлением, поддалась панике.

Вздохнув, я сворачиваю в какой-то проулок. Тут мне везет больше, я довольно быстро выхожу на широкую ровную дорогу, которая просто обязана привести меня к трассе.

Мимо меня пару раз проносятся машины, но тормозить попутку я не решаюсь. Лучше найду какую-нибудь остановку и попытаю счастье с рейсовым автобусом (авось и сжалится кто-нибудь из водителей да подвезет бесплатно).

Я прохожу несколько огромных особняков, какой-то сад, а потом замечаю вдалеке железную будку, похожую на старый остановочный комплекс. На душе у меня сразу светлеет. Я прибавляю шаг, мчу к остановке на всех парусах. Я уже вижу себя дома, в теплой ванне с бокалом валерьянки в руке – такой счастливой, расслабленной, позабывшей ужасы ночи.

И тут меня настигает знакомый черный джип, черт бы его побрал!

Джип проезжает чуть вперед. Тонированное стекло напротив пассажирского сиденья опускается, и в окне появляется счастливое лицо Кузнецова.

– Танчик, твоя предприимчивость впечатляет! – весело кричит он. – Теперь я точно уверен, что моей личной жизнью должна заняться именно ты.

– Оставьте меня в покое, – бурчу я и упрямо шагаю к остановке.

Джип снова трогается, неторопливо ползет рядом со мной. Свернуть, к сожалению, некуда, кругом одни заборы. Я пытаюсь просто делать вид, что никакого джипа поблизости нет.

– Ладно, твоя взяла! – чуть погодя орет Кузнецов. – Можешь, не переезжать ко мне, ничего страшного. И под твой график я тоже готов подстроиться, слышишь?

В шлепанец попадает какой-то камешек, мне приходится остановиться, чтобы его вытряхнуть.

– Ну, давай, Танчик, прыгай в машину, – вкрадчиво про-

сит Кузнецов. – Я подкину тебя до дома, а по пути мы определимся с местом и временем нашей следующей встречи.

Интересно, он вообще понимает слово «нет»? Я демонстративно отворачиваюсь от машины, делаю вид, что разглядываю дома, торчащие из-за заборов.

– Танчик, ты хочешь, чтобы я на колени перед тобой встал, что ли? – начинает закипать он. – Садись в машину, не зли меня.

Я мысленно сбрасываю Кузнецова со скалы. Кем он себя возомнил – повелителем мира? Да я скорей умру, чем буду с ним работать. И дело даже не в том, как он ведет себя со мной. Он ведь и с невестами будет так же, он и их зашугает по полной программе. Разве я могу такое допустить? Нет! У меня, в конце концов, совесть есть, и она никогда не позволит мне подыскивать молоденьких дурочек зарвавшемуся тирану.

Но, елки-зеленые, как мне самой-то от него отделаться?

Глава 5

– Танчик, ну хватит дуться! – обиженно кричит Кузнецов. – К тому же ты уже взяла аванс. Не хорошо ведь получается, не по-людски.

– Я верну, – огрызаюсь я. – Но только часть. Половину оставлю себе в качестве компенсации за моральный ущерб от общения с вами.

– Так сейчас и поедем за авансом! – смеется он. – Садись в машину.

– Я потом курьером пришлю, – бурчу я и в этот момент как-то оступаюсь, взмахиваю руками.

Шмяк! Я растягиваюсь посреди улицы самым ужасным образом. На глаза набегают слезы: не то от боли, не то от досады на собственную неуклюжесть.

Несколько секунд я не шевелюсь, прислушиваюсь к себе. Кости вроде целы, но колени противно саднит. А еще и плечо, кажется, пострадало. Вот мне только покалечиться ко всему прочему не хватало, ага. Я сажусь, осматриваю себя: колени хорошо ободрала, прямо как в детстве, на руке наливается огромный синяк.

Дверца джипа громко хлопает, отвлекая от грустных мыслей.

– Ну ты прямо на ровном месте, – раздается надо мной ворчанье Кузнецова, а потом он ставит меня на ноги. – Со-

всем, что ли, под ноги не смотришь?

Я испепеляю его взглядом:

– Вообще-то это вы виноваты! Вы! Прицепились тут, нервы все вымотали. Сказала же: не хочу с вами работать, найдите себе уже другого пиарщика, их ведь полно.

Кузнецов заглядывает мне в лицо и как-то разом серьезнеет, поворачивается к машине:

– Веня, аптечку!

Я быстро вытираю слезы тыльной стороной запястья. Потом отряхиваю жилет и пижаму.

– Тань, ну куда ты собралась-то в таком виде? – укоризненно бурчит Кузнецов. – Я, между прочим, всех своих людей сейчас поднял, чтобы тебя найти. Переживал, что с тобой случится что-нибудь нехорошее. Неужели ты и правда поверила, что тебя не отвезут домой? Я же просто пошутил.

Я поднимаю на него глаза. Лицо у него не слишком раскаивающееся, но мне почему-то хочется верить его словам. И тут он добавляет:

– Нет, ну скажи, чего ты так психанула? ПМС, что ли?

На меня снова накатывает негодование, даже в ушах шумит.

– Да пошли вы со своими шуточками! – цежу я.

– Куда?

Я не успеваю придумать – к нам подваливает Веня с аптечкой. Кузнецов достает перекись и вату и, присев на корточки, протирает мое колено.

– Ай! – недовольно взвизгиваю я. – Осторожней!

Он смотрит на меня снизу вверх, совсем не нагло, участливо.

– Потерпи, еще чуть-чуть осталось.

Второе колено он обрабатывает нежней, едва касаясь кожи, а потом вдруг пробегает пальцами от колена до самого края шортиков.

– Красивые ножки, Танчик! Такие следует беречь.

Я собираюсь возмутиться, но не успеваю. Кузнецов уже убирает руку и встает, смотрит строго.

– Еще есть царапины?

– Нет. – Я вдруг ловлю себя на мысли, что у Кузнецова приятный парфюм. Сам Кузнецов, кстати, переоделся – сменил майку на рубашку и теперь выглядит презентабельней.

– Давай ссадины еще пластырем заклеим, – предлагает Кузнецов.

Я не отвечаю, но ему это не нужно. Веня подает Кузнецову несколько кусков пластыря, и тот довольно ловко залепляет мои несчастные колени.

Когда Веня уносит аптечку обратно в машину, я кое-как выдавливаю из себя слова благодарности. Кузнецов долго-долго смотрит мне в глаза, а потом говорит:

– Поехали к тебе. – Получается у него так интимно, будто он мне тут на всякие неприличности намекает.

Я цепенею.

– Обсудим твои условия, – поясняет Кузнецов. – Уверен,

мы договоримся.

– Нет, не договоримся, – возражаю я. – Правда. Найдите себе другого специалиста.

Я разворачиваюсь и бегу прочь со скоростью бешеного зайца из мультика.

– Стоять! – кричит Кузнецов. – Таня, подожди!

Я не решаюсь остаться на остановке и мчу дальше. Кузнецов догоняет, хватает меня за локоть.

– Не надо меня трогать! – кричу я и пытаюсь вывернуться.

Рядом с нами тормозит красная легковушка, из нее высовывается мрачный дядька лет сорока.

– Эй, мужик, ты чё к женщине пристал?

Я подпрыгиваю от радости и спешу поддакнуть:

– Ага, совести у него нет. Привязался тут! Вы меня случайно до города не подкинете?

– Подкину, конечно, – кивает дядька, злобно зыркая по сторонам, – залезай.

Я кидаюсь к легковушке, но Кузнецов меня перехватывает, прижимает к себе.

– Брат, это жена моя вообще-то, – говорит он водителю легковушки. – Она просто беременная и чудит. Гормоны, понимаешь?

Мужик оглядывает меня, но из-за просторного жилета ему ничего непонятно про мой живот.

– Срок еще маленький, – торопится пояснить Кузнецов. – А тараканы уже большие. Вот вырядилась и к маме в Арма-

вир намылилась. За мелом. Мел трескает, как не в себя.

– Понимаю, – кивает водитель легковушки. – Моя тоже чудила страшно, когда сына ждала. А вы кого ждете?

– Пока не знаем, – радостно делится Кузнецов. – Но мне как-то все равно, главное, чтобы малыш здоровеньким родился.

– Согласен! Ну бывайте тогда. – Водитель легковушки ударяет по газам и через несколько секунд скрывается за углом.

Орудуя локтями, я вывертываюсь из объятий Кузнецова:

– Вы… вы меня достали уже!

Он ухмыляется:

– Ты тоже не подарок, знаешь ли. Я тебе хорошие деньги заплатил, а ты выделываешься.

– Я верну! Все верну! – обещаю я. – Только отстаньте, пожалуйста.

Тихо шурша шинами, к нам подъезжает черный джип.

– Садись в машину, Таня, – жестко говорит Кузнецов. – Хватит пугать своим видом общественность.

– Спасибо, я лучше на автобусе.

– Но ты же все равно домой не попадешь.

– Это еще почему?

Он расплывается в улыбке:

– Потому что ключи от твоей квартиры – у меня.

Мне становится дурно, перед глазами все плывет. Потому что он прав: я забыла у него ключи. Кажется, на столе

оставила. Я их туда положила, когда он мне мясную тарелку притащил.

– Кончай дурить, Танчик! – Кузнецов открывает для меня дверцу машины. – Садись и поехали уже.

– Ладно, – сдаюсь я. – Ваша взяла.

Когда я устраиваюсь на заднем сидении черного джипа, Кузнецов усаживается рядом со мной.

– Куда? – спрашивает Веня.

– К Танчику, – отвечает Кузнецов и улыбается.

Машина трогается с места, а меня вдруг охватывает любопытство.

– Какой помощи вы ждете от меня? – спрашиваю я у Кузнецова.

– Ну как… – Он откидывается на спинку сиденья и разглядывает мои ноги. – Серега сказал, ты – специалист по социальным сетям. А я как раз через них хочу искать себе невесту. Ты заведешь мне страничку в каком-нибудь «Контактике» и будешь от моего имени знакомиться с разными девушками, переписываться с ними.

– А почему вы не хотите знакомиться в кафе или в клубах?

– Понимаешь, какое дело, – Кузнецов становится немного грустным, – я хочу, чтобы моя избранница не догадывалась о моем состоянии и полюбила меня за человеческие качества. В Краснодаре меня все знают, тут мне трудно сохранить инкогнито, поэтому я хочу искать жену по станицам.

– Ну так и езжайте в эти станицы, – говорю я. – Там тоже

кафешки есть. И дискотеки.

Он смотрит на меня как на сумасшедшую:

– Танчик, ты головой не ударилась сейчас, когда падала?

– Нет.

– А почему тогда такие глупые вопросы задаешь? Я человек занятой. Мне некогда за девками бегать, поэтому я тебя и нанял. Ты поможешь мне найти нормальную невесту, охмуришь ее, уломаешь на свиданку, а потому уже я подключусь – с ухаживаниями.

– Ясно.

Мы некоторое время едем в полной тишине, а потом Кузнецов толкает меня плечом:

– Может, все-таки переедешь пока ко мне, а? Деньгами не обижу.

– В наше время можно быть на связи без всяких переездов, – возражаю я, для важности помахивая ладонью. – Двадцать первый век на дворе. Есть телефон, социальные сети, мессенджеры…

– Да мне как-то с глазу на глаз удобней общаться, – возражает он.

– Ничего. Привыкнете и к мессенджерам.

– Но время от времени будем вживую встречаться, хорошо? – Кузнецов вдруг смотрит заискивающе.

– Ладно, – великодушно соглашаюсь я. – Пару раз в неделю.

Лицо его недовольно морщится, но возражать Кузнецов

не пытается.

– Давайте так, – говорю я. – Я пока проанализирую все, что вы мне рассказали, а потом свяжусь с вами, и мы выработаем стратегию совместной работы.

– Сегодня, – твердо говорит Кузнецов.

– Что сегодня?

– Сегодня выработаем стратегию. В два я к тебе заеду и побеседуем.

– Я не могу сегодня в два, – возражаю я. – Я пойду в это время покупать продукты.

Он смотрит на меня снисходительно.

– Насколько я знаю, продуктовые работают допоздна, – успеешь еды купить. Я вроде ясно дал понять, Танчик: мне жена нужна срочно. Так что придется тебе шевелить булками, отодвинув другие дела.

Я снова закипаю. Похоже, согласие с моими условиями у этого товарища только на словах. Даже не представляю, как с ним работать.

– Приехали, – говорит Веня и смотрит на нас в зеркальце заднего вида.

Я протягиваю ладонь Кузнецову:

– Верните ключи, пожалуйста.

– Я с тобой поднимусь, – говорит он и вылезает из авто.

Я тоже выскакиваю на улицу, обегаю машину и пытаюсь загородить Кузнецову дорогу:

– Не надо со мной подниматься. Мы же договорились на

два часа.

– Пошли! – Он обхватывает меня за плечи и тащит в сторону подъезда. – И лучше не ори: соседей напугаешь.

Во дворе и правда полно бабулек с внуками, и мне приходится подчиниться. Мы с Кузнецовым поднимаемся на третий этаж. Кузнецов так и не возвращает мне ключи. Он сам отпирает замок после того, как я указываю ему нужную дверь.

Ввалившись в квартиру, Кузнецов, не разуваясь, проходит на кухню.

– Эй, вы что делаете? – возмущаюсь я. – Вы мне тут все затопчете, а я полы только позавчера протирала.

Кузнецов пропускает мои окрики мимо ушей. Он делает круг по кухне и, отодвинув меня в сторону, идет в комнату. Ну капец! Я надеюсь, он не решит сам у меня поселиться?

– Вроде все нормально! – радостно восклицает Кузнецов, возвращаясь в прихожую.

– В смысле?

– Да я боялся, что мои молодцы тебе что-нибудь сломали или бардак устроили.

– А могли?

Он задумывается:

– Теоретически да. Они еще не обтесались у меня. Иногда перегибают палку.

– Я заметила.

– Ты это… – Кузнецов хлопает меня по плечу. – Не оби-

жайся на них сильно, если они с тобой как-то не так обошлись. Они просто только недавно из тюрьмы, не привыкли еще к гражданской жизни.

– Вы серьезно? – Я прислоняюсь к стене, чтобы не упасть. – Ваши люди недавно вышли из тюрьмы? А за что они там сидели?

– Веня за кражу, а Гена за… – Кузнецов смотрит на меня внимательно и захлопывает рот на полуслове. Немного подумав, добавляет: – За другое, короче.

Я делаю над собой усилие, чтобы не сползти по стеночке вниз.

– А кого-то нормального – без судимости – вы себе нанять не могли?

– Не, они нормальные мужики, чего ты? – Кузнецов обиженно хмурится. – И кто их еще возьмет, если не я?

– А старичок, – вдруг вспоминаю я, – тот, что на крылечке дежурит, он тоже – с судимостью?

– Михалыч? – с улыбкой переспрашивает Кузнецов. – Не, Михалыч у нас чист перед законом.

Я выдыхаю с облегчением.

– Но у него небольшие проблемы с головой, – тут же добавляет Кузнецов. – Он у нас изредка чертей гоняет. Когда лекарства забывает принять. Вообще, он не дежурит на крыльце, он – мой домоправитель.

– А у вас с головой все нормально? – на всякий случай уточняю я.

Он ухмыляется:

– Да вроде не жалуюсь.

Мы некоторое время сверлим друг друга взглядами, потом я не выдерживаю, отвожу глаза.

– Ладно, Танчик, я побежал, – говорит Кузнецов. – В два подъеду.

Он вываливается из квартиры и захлопывает за собой дверь.

– А ключи? – восклицаю я, но, само собой, никто не отзывается.

Я со стоном скидываю оранжевую жилетку и испачканные шлепанцы. Ну и вляпалась же я! Больше никогда в жизни не буду отвечать на ночные звонки.

Взгляд цепляется за стопку денег, лежащую на столике в прихожей. Ту самую, которую оставил Веня. Я сгребаю ее и внимательно пересчитываю. Сердце моментально разгоняется. Не поверив себе, я пересчитываю стопку еще раз. Боже, здесь же целое состояние! А ведь мне сказали, что это только аванс.

Я прижимаю деньги к груди и тихо повизгиваю. На душе становится хорошо-хорошо, оптимизм заполняет меня по самую крышечку. И есть с чего – ближайшие месяца три я смогу не париться о гонорарах! Это прямо волшебство какое-то.

Я прячу деньги в шкаф и спешу в душ. Сейчас вымоюсь, а потом буду гуглить, каких девушек привлекают секси-

сты. Кого-нибудь да найдем этому мерзкому Кузнецову. За те деньжищи, которые он платит, я готова сворачивать горы.

Глава 6

После душа на меня накатывает сонливость. Я пытаюсь взбодрить себя кофе, но дело не идет. Глаза слипаются, все валится из рук. Устав бороться с собой, я решаю немного поспать, а уж потом браться за поиски невесты для Кузнецова.

Перед тем как прилечь, звоню Соне.

– Алло? – Голос подруги звучит замучено.

– Привет! Надеюсь, не отвлекаю? – Я взбиваю подушку свободной рукой. – Мне тут просто нужна твоя помощь.

– Какая?

Я не успеваю ответить: из телефона доносится голос Маши – Сониной дочки.

– Я с тебя сейчас шкуру спущу, мелкий! – кричит Маша. – Где мои заколки? Я же сто раз уже просила их не трогать.

– Маша – растеряша! – кричит ей в ответ Сонин сын Паша.

– Дети, угомонитесь, – пытается урезонить потомство Соня. – Дайте поговорить.

– Пашка мои заколки куда-то засунул! – и не думает успокаиваться Маша. – А может, он их даже с балкона скинул, как папины ботинки.

– Не брал я твоих заколок, индюшка надутая! – вопит Пашка. – Ты сама их куда-то засунула.

– Дети, выйдете немедленно из комнаты! – шипит Соня-

ка. – Мне не до ваших разборок.

– Ну мам! – не унимается Маша. – Я тебе как теперь волосы должна закалывать? Хочешь, чтобы бабушка опять сказала, что ты за дочерью не следишь?

– А я йогурт хочу! – спешит напомнить Паша. – С малиной. А еще ты мне мультики включить обещала.

Соня раздраженно сопит, но ничего не говорит. Наверное, общается с детьми языком жестов.

– Сонь, а ты куда мои носки черные засунула? – раздается на фоне сопенья обескураженный голос Сониного мужа. – Я уже все обыскал, а найти не могу.

– Оставьте меня в покое хоть на минуту! – взрывается Соня. – Я с подругой разговариваю.

Она там чем-то стукает (наверное, дверью) и снова вспоминает обо мне, пытается говорить нарочито приветливо.

– О чем мы говорили, Тань? Я что-то потеряла нить беседы.

Мне становится неловко из-за того, что я так не вовремя звоню. Но помощи просить больше не у кого.

– Я тут статью написала, – торопливо бубню я. – Ты могла бы прочесть? Она коротенькая. Там просто надо было от лица матери написать, и я не знаю, нормально ли вышло.

Сонька вздыхает.

– С меня – шоколадка! – поспешно добавляю я. – Или две.

– Мне нельзя шоколадки, – грустно возражает Соня.

– Это кто такое сказал?

– Федя. Он вчера мне намекнул, что надо худеть.

– Вот гад! – возмущаюсь я. А потом думаю: не, Федя такого ляпнуть не мог, он же не камикадзе. Федя – это Сонин муж. Вообще, он скромный такой дядька, совсем не склонный к риску. – А как именно он тебе на похудение намекнул?

– Он пересматривал наше свадебное видео и сказал: ах, какая ты, Сонька, хорошенькая тут.

– И?

– Что «и»? – не понимает Соня.

– Дальше что говорил?

– Ничего. Все.

– А где же тут намеки на лишний вес? – никак не улавливаю я.

– Ну как же? В день нашей свадьбы я весила минимум на десять килограммов меньше.

– Ой, Сонь, я с тебя не могу! – Я с трудом сдерживаю смех. – Ничего такого твой Федя не имел в виду.

– Я, вообще-то, своего мужа лучше знаю! – возражает Соня. – Поверь, там по глазам было видно, что он считает меня жирной коровой.

– Тогда он точно гад, – говорю я, понимая, что сейчас подругу ни в чем не переубедить. – Так я пришлю тебе статью?

– Присылай. Но я ее чуть попозже прочту, когда время удастся выделить. Мы с Федей просто сейчас пельмени собрались лепить. Я, как прочту, тебе сразу перезвоню, отчитаюсь.

– Спасибо, Сонь! – радуюсь я. – Ты меня прямо выручаешь.

Мы с ней прощаемся, и я тут же ложусь, моментально проваливаюсь в сон.

Вообще, я планировала прилечь на часок, но, когда срабатывает будильник, отключаю его и решаю поспать еще немного. Второй раз просыпаюсь от того, что кто-то снова терзает мой дверной звонок. Я бросаю взгляд на часы. Ого, уже без десяти час! Надеюсь, это не Кузнецов заранее притащился.

Скатившись с дивана и поправив на себе халат, я иду открывать.

За дверью обнаруживается Соня с детьми.

– Ты спала? – сразу догадывается она по моему помятому лицу. Соня вталкивает детей в квартиру, а сама остается на пороге.

Я стыдливо опускаю глаза:

– Спала, да.

– Не ожидала я от тебя такого, Таня, – говорит подруга заупокойным голосом. – Значит, считаешь, я плохо своих детей воспитываю, да?

– Что? – я замираю. – Сонь, ты о чем сейчас?

– Советы эти твои! Из статьи. Это ты так решила поучить меня воспитывать детей, да?

Мне прямо дурно становится. Я испуганно мотаю головой:

– Нет, Сонь! Конечно, нет. Мне просто заказали текст такой, и я хотела понять, получилось ли сойти за мамашу.

– Не получилось! – отрезает Соня. – У тебя не текст, а какие-то самовосхваления. Выгул белого пальто.

– Да? Я перепишу, – обещаю я.

– Думаешь, приятно вот так ото всех выслушивать, какая ты типа плохая мать? – Голос Сони вдруг начинает дрожать, глаза ее наполняются слезами. – Я от свекрови наслушалась, теперь еще и ты туда же. Все, блин, такие опытные! Все прямо лучше меня бы справились.

– Сонь, ну ты чего? – я треплю ее по руке. – У меня и в мыслях не было тебя задеть. Заходи давай. Сейчас чаю выпьем, ты мне все-все расскажешь, что у тебя стряслось.

Сонька отскакивает:

– Не надо мне чая! И ничего у меня не стряслось. Я решила, Таня, тебе оказать услугу. Хочешь писать от лица мамы – наберись сначала опыта.

– В смысле?

– Я у тебя своих сейчас оставлю – до пяти часов. А ты давай сходи с ними в магазин, – цедит Соня. – И не забудь про советы свои. Поучи моих хорошим манерам, я буду только рада, если они станут вести себя в магазинах, как дети из твоей писульки.

– Сонь, ты чего несешь? – начинаю раздражаться я.

– Счастливо оставаться, подруга! – Она с безумной ухмылкой машет мне рукой и горной ланью пускается прочь.

– Соня! – кричу я вдогонку. – Соня, вернись!

Некоторое время я стою в прихожей и изо всех сил надеюсь, что подруга меня разыгрывает. Но она и не думает возвращаться.

– Теть Тань, а можно печенье? – кричит из кухни Маша. Ей девять, и она жутко самостоятельная.

– Бери, – отвечаю я и запираю дверь. Потом хватаю мобильник: может хоть по телефону Соня скажет, куда отправилась?

В трубке идут гудки, но на вызов не отвечают.

– Что это с вашей мамой приключилось? – спрашиваю я у Маши, которая уже таскается с печеньем по квартире, оставляя за собой дорожку крошек.

– Не знаю. Психанула чёт. Ой, а что это у вас? – Машка хватает шкатулку, стоящую на рабочем столе. – Можно посмотреть?

«Нет», – собираюсь ответить я, но не успеваю: Машка уже вовсю роется в шкатулке.

Я украдкой вздыхаю. Ладно, у меня там все равно нет ничего ценного. Буквально несколько побрякушек, подаренных бывшим мужем, и пара брошей.

Кто-то дергает меня за подол халата. Я оборачиваюсь: за мной стоит Паша весь в чем-то липком.

– Я в туалет хочу.

– Ага, сейчас.

Я провожаю его в ванную (она у меня совмещена с туале-

том), включаю там свет.

– Заходи. Ты же сам справишься? – спрашиваю я с надеждой.

– Справится, конечно! – отвечает за брата Машка. – Ему через год в школу – он уже самостоятельный.

Машка кидается к зеркалу в прихожей и примеряет все мои украшения разом.

Я заглядываю на кухню. Там на столе растекается лужа из сиропа, который я иногда добавляю в кофе. Паша в нем, что ли, измазался? Ох, Сонька, подкинула ты мне проблем! Ко мне через час приедет Кузнецов, мне срочно надо куда-то деть детей.

Немного подумав, я набираю на мобильном номер Сониного мужа. Тот, к счастью, снимает трубку.

– Да, алле.

– Федь, это Таня Кольцова. Что у вас случилось? – спрашиваю я строгим голосом.

– Где случилось? – не понимает Федя. – Когда?

– Твоя Соня только что привела мне детей и куда-то убежала, – поясняю я.

– Серьезно? – Федя, кажется, удивлен не меньше меня. – А куда убежала?

– Так я тебе и звоню, чтобы это выяснить! – закипаю я. – Вы что, поссорились?

– Нет, не ссорились. Я вообще у мамы. У нее сердце прихватило, вот сидим врача ждем.

– Сердце? – Я вспоминаю, как Сонька жаловалась на свекровь, рассказывала, что та – симулянтка. У Сонькиной свекрови постоянно что-то со здоровьем случается, стоит только отказаться к ней в гости приехать. Но, кто знает, может, в этот раз там все по-настоящему.

– А детей ты никак забрать не можешь сейчас? – уточняю я на всякий случай.

– Ой, Тань, сейчас прямо никак, – в голосе Феди сквозит искреннее отчаяние. – Мать совсем плохая. Боюсь отвернуться лишний раз.

Мне становится мучительно стыдно за свои попытки всучить ему детей.

– Ладно, Федь, ты не переживай, – бормочу я. – Не так уж они мне и мешают. Присмотрю.

В этот момент в ванной раздается страшный грохот и звук бьющегося стекла. Я сбрасываю вызов и с вытаращенными глазами несусь туда.

Распахнув дверь в ванную, обнаруживаю Пашу стоящим на унитазе с удивленным лицом. Пол усыпан осколками. Судя по тому, что на стене над раковиной отсутствует зеркало, осколки – это именно оно.

– Паша, ты цел? – Я осторожно пробираюсь к унитазу и подхватываю мальчика на руки. – Ты не порезался?

– Нет, – говорит он.

Я оглядываю пол.

– Что ты сделал с зеркалом?

– Это не я, – мямлит Паша. – Оно само. Я просто его случайно рукой задел.

– Ой, а мама говорит, что разбитое зеркало вызывает семь лет несчастий! – радостно вопит из коридора Маша. – Теть Тань, а кто именно теперь будет несчастным, вы или Паша? Давайте Паша будет, он же разбил.

Она пытается ворваться в ванную, но я загораживаю ей проход: боюсь, что она поранится.

Паша начинает реветь:

– Не хочу быть несчастным! Не буду!

– Будешь, будешь! – вопит Машка. – И велик тебе никто не подарит теперь. И мороженого никто не купит.

– А-а-а! – голосит Паша и пытается лягнуть сестру.

Я выскакиваю из ванной:

– Дети, успокойтесь!

– Не хочу быть несчастным! – продолжает орать Пашка. – Оно само упало. Само!

– Да-да, я верю! – перекрикиваю я. – И никто не будет несчастным, не волнуйся. Это всего лишь глупое суеверие.

Машка смотрит на меня раздосадовано:

– А мама говорит, что это правда. Вы считаете, моя мама врет?

– Нет, что ты! – Я немного теряюсь. – Она просто… просто немного заблуждается.

– Моя мама всегда говорит только правду! – настаивает Машка. – И она все-все знает на свете. Она училась в школе

на одни пятерки. А вы на что учились? Наверное, двоечницей были, да?

Я ставлю Пашу на пол:

– Так, ребят, мне некогда сейчас с вами обсуждать школьные годы. Ко мне сейчас должны приехать по работе. Поиграйте немного в комнате, пока я уберу осколки. Пожалуйста!

Машка тут же убегает из коридора, а Паша стоит на месте, задумчиво ковыряет край обоев у двери.

– Паша, иди играй.

Он поднимает на меня жалобные глаза:

– А можно мне один осколок себе забрать? Самый маленький!

– Паша, нет. Ты можешь порезаться.

– Я буду осторожно играть.

– Паша, иди в комнату! – Я пытаюсь придать голосу стальных интонаций.

– Какая же вы противная! – фыркает Паша. – Не зря папа говорит, что у вас мозгов нет.

– Что? – Я застываю как громом пораженная. – Что папа про меня говорит?

Паша ничуть не смущается:

– Он говорит, что вы курица безмозглая и на маму плохо влияете.

– Понятно, – я вталкиваю Пашу в комнату и закрываю за ним дверь.

Ну, Федя, погоди! Я тут, значит, с его детьми сижу, а он

меня курицей обзывает. Вообще ни в какие ворота!

Бурча под нос всякие ругательства, я сметаю осколки в совок и выбрасываю их в мусорное ведро. Зеркала очень жалко, точней жаль денег, которые придется потратить на новое.

Я открываю воду, чтобы вымыть руки, но в квартире опять раздается звон бьющегося стекла. Господи, неужели эти охламоны грохнули мой ноутбук? Схватившись за сердце, я бегу в комнату: звук несся именно оттуда.

Паша опять стоит в окружении осколков с вытаращенными глазами. В этот раз не повезло моей люстре. Но это ничего, люстра – это не так страшно, как ноутбук.

– Она сама! – восклицает Пашка до того, как я успеваю что-нибудь спросить. – Я ничего не делал.

– Делал, делал, – бухтит Машка, лежащая на диване с моим планшетом. – Он в нее мячом попал.

– У вас что, еще и мяч с собой?

– Паша с ним не расстается. Он даже спит с ним и везде играет.

– А почему ты его не остановила?

Машка не отрывается от планшета:

– Ну давайте, выставите меня крайней, ага! Вечно я у всех виновата.

Я вынимаю Пашку из осколков и сажаю на диван.

– Замри! – говорю я и делаю грозное лицо. – Не шевелись.

Сбегав за совком и щеткой, включаю детям телевизор и снова принимаюсь за сбор осколков. Дети щелкают пультом,

скачут по каналам, а я рыскаю по полу в поисках битого стекла. Если кто-нибудь из детей вспорет ногу, Сонька меня прикопает в ближайшем палисаднике. Да я, в принципе, и сама себе такого не прощу.

В какой-то момент я встаю на четвереньки, чтобы проверить, нет ли стекла под диваном, и внезапно чувствую затылком чужой взгляд.

Сначала я думаю, что мне просто мерещится, а потом Машка вдруг растерянно бормочет:

– Здрасьте!

Я оборачиваюсь. На пороге комнаты стоит Кузнецов с ключами в руках. Взгляд у него странный, можно сказать, завороженный и сфокусирован он четко на моей филейной части.

Меня охватывает жуткий гнев. Как смеет этот свин вламываться в мою квартиру без разрешения? Мне, конечно, заплатили, но, как любой работник, я имею право на личное пространство. И надо вот прямо сейчас об этом заявить, ага.

Я открываю рот, чтобы возмутиться, но потом сразу закрываю. Кузнецов так прочно залип на моих прелестях, плохо скрываемых халатом, что, похоже, сейчас меня не услышит. У меня вообще ощущение, что он забыл, зачем пришел.

Глава 7

Не слишком грациозно поднявшись с четверенек, я одергиваю халат. Кузнецов отмирает и наконец встречается со мной взглядом. Я смотрю на него с укоризной. Интересно, есть у него совесть, или забыли выдать при рождении?

Вместо того чтобы устыдиться, Кузнецов хмурится и скрещивает руки на груди.

– Миленькая картина! – говорит он. – Танчик, ты что, наврала в резюме?

– В смысле?

– Мне Серега показывал твое резюме. У тебя написано: в разводе, детей нет. Я поэтому тебя и нанял, посчитал, что именно ты сможешь посвятить моей личной жизни всю себя.

– Это не мои дети, – признаюсь я.

Он усмехается:

– Дай угадаю: тебе их подкинули?

– Вроде того. У подруги случилось чепе, она полчаса назад их привела.

Кузнецов, кажется, не верит. Он с хитрым видом поворачивается к детям и показывает на меня:

– Ребят, а почему не помогаем маме убираться?

– Это не наша мама! – оскорблено вопит Паша. – Наша – добрая, а эта просто ужас какой-то.

Лицо Кузнецова светлеет.

– Я уже закончила уборку, – говорю я, выбросив осколки, убираю совок и щетку в кладовку.

Кузнецов следит за мной с плохо скрываемой подозрительностью. Наверное, считает, что у меня в кладовке есть черных ход, и я могу через него ускользнуть.

– Может, перенесем нашу встречу на завтра? – предлагаю я. – С детьми как-то неудобно обсуждать рабочие вопросы.

– Мне удобно, – возражает он. – Сделай мне только чайку, что-то в горле пересохло.

Он отваливает в сторону, освобождая мне дорогу на кухню. Я покорно делаю пару шагов, но потом меня прорывает:

– А что насчет слова «пожалуйста»?

Кузнецов глядит недоуменно.

– Ты о чем?

– Когда о чем-то просите, хорошо бы говорить «пожалуйста», – напоминаю я. – По этикету вроде так положено.

На его лице отражаются усталость и недовольство.

– Я вроде заплатил за то, чтобы обойтись без всех этих расшаркиваний.

– А вот и нет! – из духа противоречия возражаю я. – В ту сумму, которую мне привезли ваши люди, не входит надбавка за хамство.

– Прямо как знал, слушай! – Он выуживает из кармана потертых джинсов несколько купюр. – Держи!

– Неужели так сложно выдавить из себя «пожалуйста»? – не верю я.

Он молча запихивает деньги мне в карман:

– Танчик, не грузи меня своими тараканами. Чайку сделай. И побыстрей.

Мы вдвоем проходим на кухню. Кузнецов выходит на балкон, с царственным видом озирает окрестности. Я, скрипя зубами, навожу ему чаю, спрашиваю:

– С сахаром?

– Да, одну ложку, – не оборачиваясь, отвечает он.

Я из вредности кладу пять. Понятия не имею, зачем это делаю, но не могу справиться с желанием напакостить.

– Готово, ваше высочество! – кричу я, ставя чашку на стол, и тут же убегаю в комнату, посмотреть как там дети.

Паша и Маша выглядят смирными. Машка, правда, уже красит ногти на ногах моих любимым лаком.

– Осторожней, – прошу я. – Не испачкай обивку дивана.

Машка закатывает глаза.

Пашка, в отличие от нее, ничего не трогает, просто воткнулся в телек.

Я беру со стола блокнот и ручку. Буду, пожалуй, записывать все, что Кузнецов расскажет, дабы потом ничего не напутать.

– Дети, мне надо немного поработать, – предупреждаю я. – Если что-то понадобится, зовите.

– А есть скоро будем? – спрашивает Паша. – У меня уже в животе урчит.

Я задумываюсь. Блин, чем покормить детей? В холодиль-

нике у меня шаром покати: я не обманывала, когда говорила Кузнецову, что мне срочно нужно за продуктами. Впрочем, в шкафчике еще есть геркулес.

– Кашу будете? – предлагаю я. – Овсяную.

– Что? – одновременно переспрашивают Паша и Маша. Вид у них такой, будто я предложила им съесть дохлую мышь.

– С изюмом, – добавляю я, надеясь, что они проникнутся.

– Какая гадость! – морщится Пашка, а потом по лицу его вдруг катятся слезы. – Я хочу к маме. Почему она нас бросила? Почему? – Пашка откидывает голову назад и даже немного подвывает. – Я ненавижу кашу, я ее не бу-у-ду. Я лучше просто умру от голода.

Я подскакиваю к нему:

– Паша, тише. Я не заставляю тебя есть кашу. Не хочешь – не надо.

Его слезы тут же высыхают, на лице появляется деловитое выражение.

– Правда? Что же вы тогда приготовите?

– А чего бы тебе хотелось?

– Картошку фри! – сразу отвечает он. – И наггетсы.

– А я хочу суши, – вторит брату Маша. – Давайте закажем где-нибудь, а?

– Это идея! – соглашаюсь я. Но, когда хватаюсь за телефон, вспоминаю рассказ Сони о том, как Маше однажды стало плохо из-за какой-то рыбы. Ей даже скорую вызывали. У

нее, кажется, случился отек Квинке.

Вот мне не хватало только Сониных детей угробить, ага.

– Маш, может, тебе тоже картошки? – робко предлагаю я.

Она дует губы.

– Нет. От картошки толстеют, а я не хочу превратиться в кабаниху.

– Тогда, может, пиццу?

– Фу! – орет Пашка. – Я на нее смотреть уже не могу.

– Я тоже! – подхватывает Маша. – И мама говорит, что там пальмовое масло.

Мое терпение лопается.

– Так, ребят, я не ресторан, – бурчу я. – Не согласны на пиццу, будем есть пельмени. Сейчас я быстро переговорю с гостем, а потом мы пойдем в магазин.

Дети кривятся, но я игнорирую их скорченные мордочки.

Когда я возвращаюсь на кухню, Кузнецов уже сидит за столом, помешивает чай ложкой.

– Василий, давайте к делу! – Я тоже присаживаюсь. – Расскажите, какой информацией о себе вы готовы делиться с потенциальными невестами.

Он делает глоток чая и тут же меняется в лице.

– Это что за гадость? – Василий показывает взглядом на кружку. – Пить невозможно.

Я развожу руками:

– Увы, я плохо готовлю. Извините, что не предупредила.

Он встает, выливает чай в раковину, а потом протягивает

кружку мне:

– Попробуй еще раз. Будешь практиковаться до тех пор, пока я не получу что-то нормальное.

Под зорким наблюдением мне приходится сделать ему еще одну чашку чая. Потом я с видом прилежной ученицы раскрываю блокнот.

– Итак, Василий, что мне следует написать на вашей странице в «Контактике»?

Он задумывается, самодовольно щурится.

– Танчик, самое важное, что тебе следует помнить: я не хочу светить богатством. Придумай мне какую-нибудь простую профессию. Я хочу, чтобы девушки клевали на мой богатый внутренний мир, а не на бабло.

Мне приходится сделать над собой усилие, чтобы не рассмеяться. Не, ну каков фрукт! Сам, значит, с людьми как с ветошью обращается, но мечтает о большой и чистой любви.

– Хорошо, я запомню про богатство, – обещаю я.

В кухню вваливается Паша:

– Теть Тань, у меня в глазах темнеет.

– В смысле?

– От голода темнеет, теть Тань, – Пашка вытягивает перед собой руки и демонстративно хватается за воздух. – Я, кажется, сейчас потеряю сознание.

За Пашкой вплывает Маша.

– Он не обманывает, – с мстительным видом говорит она. – Паша уже однажды падал в обморок от голода – у ба-

бушки в гостях.

Я подскакиваю со стула:

– Значит, варю геркулес!

– Геркулес? Ой, мне нехорошо, – Паша зажимает рот руками, будто его тошнит.

Я кидаюсь к холодильнику, шарю взглядом по полочкам.

– Еще помидор есть. И одна морковка. Будешь морковку? Хотя погоди, вот тут в пакете, кажется, сушки еще завалялись.

Я выхватываю из холодильника и протягиваю ему пакет. Пашка чуть покачивается, а потом, закатив глаза, начинает оседать на пол.

Сегодня явно не мой день. Сначала меня похитили, потом подкинули мне детей, а теперь Пашка нашел самое неудачное место для обморока. Он падает прямо рядом со шкафчиком с мойкой, рискуя приложиться о него головой. К счастью, в ситуацию вмешивается Кузнецов. Он подскакивает со стула и подхватывает Пашку, а потом аккуратно опускает на пол.

– Это вы! – как резаная верещит Маша, тыча в меня пальцем. – Вы довели Пашу до обморока!

Мне нечего возразить. Я с ужасом смотрю то на Пашку, то на Кузнецова, который уже вернулся за стол и снова взял в руки чашку.

– Господи, что делать? – спрашиваю я. – В скорую позвонить?

– Не надо, – меланхолично отзывается Кузнецов. – Пускай лежит. Не мешает вроде.

Я ушам своим не верю:

– В смысле, не мешает? Вы предлагаете оставить его в таком состоянии?

Кузнецов шумно отхлебывает чай, а потом косится на Пашку.

– Ну хочешь, я его немного в сторону отодвину?

Даже Машка роняет челюсть от такого предложения, а уж я и подавно теряю дар речи.

Не дождавшись ответа, Кузнецов делает еще глоток чая, а потом, брякнув чашку на стол, довольно скалится.

– На чем мы там остановились? На легенде, кажется, да? – Он замечает на столе крошки сахара и, лизнув палец, быстро собирает их на него, а после отправляет палец в рот. – Пиши, значит, Танчик, что я из маленького городка. Работаю обычным менеджером, по вечерам хожу в тренажерку. Про жилье не распространяйся.

Я зажмуриваюсь, выжидаю несколько секунд и лишь потом открываю глаза. Ничего не изменилось: Паша по-прежнему в отключке, а Кузнецов сидит за столом с довольным видом.

– Наверное, надо и фотки какие-нибудь у меня на странице выложить, да? – продолжает разглагольствовать он. – Может, у тебя сейчас и нащелкаем? На телефон.

Я опускаюсь на колени рядом с Пашей, зачем-то трогаю

его лоб. В голове у меня каша. Не пойму, что делать: звонить врачам или самой гуглить правила первой помощи при обмороках.

Кузнецов наконец отвлекается от своей личной жизни, подходит ко мне.

– Таня, вернись за стол, – раздраженно шипит он. – Я перед кем, вообще, распинаюсь?

Я отшвыриваю в сторону дурацкий пакет с сушками.

– Василий, отстаньте хоть на минуту! Ребенку плохо, а вы все о девках думаете.

Крепкие мужские руки ложатся на мои плечи и до того, как я успеваю что-то понять, оттаскивают меня от Паши.

– Танчик, угомонись. Ничего с ним не будет, – бурчит Кузнецов.

Я брыкаюсь:

– Мы должны привести его в чувства! Мы должны ему помочь!

– На фига? – Кузнецов отпускает меня, разворачивается к Маше, которая застыла у стены как вкопанная. – А ты, девочка, кстати, не хочешь рядом с братом хлопнуться? Ты давай, не стесняйся. Места еще много.

Я смотрю на него с ужасом.

– Вы же говорили, что любите детей.

– Люблю, ага, – подтверждает Кузнецов и грубо треплет Машу за щеку. – Они же такие милые зайчики.

Машка взвизгивает и отшатывается. Кузнецова это ни

капли не смущает, он поворачивается ко мне и достает телефон:

– Пойдем сфоткаешь меня. На балконе.

Я пытаюсь возражать, но он все равно выталкивает меня на балкон, захлопывает за нами дверь.

– Василий, пожалуйста, отпустите: мне надо позвонить в скорую, – мямлю я, потрясенная его напором.

Он перестает ухмыляться, смотрит серьезно:

– Танчик, ты совсем, что ли, лохушка?

– Что? Да как вы смеете! – Я задыхаюсь от возмущения. – Я не позволяю общаться со мной в таком тоне.

– Ты не видишь, что тебя разводят?

– Кто разводит? Вы о чем?

Он укоризненно качает головой.

– Прояви уже терпение. Сейчас Паше твоему надоест комедию ломать, он и очухается, – Кузнецов косится в окно. – Вон, кстати, уже шевелится.

Я заглядываю через стекло в комнату. Пашка почесывает нос и чуть ерзает, а потом снова распластывается в прежней позе.

– Упрямый, чертяка! – одобрительно замечает Кузнецов. – Далеко пойдет.

Я даже не знаю, что сказать.

– Ну ты это… Фоткай давай! – Кузнецов передает мне телефон, а потом облокачивается о перила. Немного подумав, он откидывает голову назад и смотрит на меня с легким при-

щуром. Косит, типа, под мачо.

Я еще раз заглядываю в комнату. Паша опять ерзает – значит, точно притворяется. Наверное, он в Сонькину свекровь пошел, перенял, так сказать, ее штучки.

– Танчик, я жду! – напоминает Василий.

Я со вздохом поворачиваюсь к нему. Как же все не вовремя: и разговор наш, и фотосъемка.

– Фоткай, пока у меня шея не затекла, – поторапливает Кузнецов.

– Ага, сейчас все будет, вы только лицо проще сделайте.

– Оно у меня и так несложное.

Я ловлю его в объектив камеры:

– Ну вы хотя бы улыбнитесь.

Кузнецов возвращает голову в нормальное положение.

– Зачем?

– Чтобы понравиться будущей жене, конечно.

– Я и так понравлюсь.

– Ладно, не хотите – не улыбайтесь. – Я тут же щелкаю камерой телефона.

– Эй, я еще не встал, как надо! – Кузнецов спешно пытается вернуться к позе самодовольного самца.

Для его успокоения снимаю его и в таком виде. А потом происходит странное: Кузнецов начинает расстегивать рубашку. Получается у него очень сексуально. Я на пару секунд засматриваюсь, облизываю губы:

– Василий, вам что, жарко?

– Нет.

– Для чего тогда вы расстегиваетесь?

– Я хочу сделать пару фото с голым торсом, – поясняет он. – Я ведь и правда хожу в тренажерку.

Кузнецов стягивает рубашку, кидает ее на табурет, стоящий в углу балкона. Должна признать, Василию есть чем гордиться. Он мускулист, да и кубики на животе имеются.

На этих самых кубиках я, кажется, задерживаю взгляд дольше, чем допускают приличия. Но мне ведь простительно: я не видела раздетых мужиков с самого развода.

Кузнецов замечает, какой эффект произвели на меня его мускулы, и на лице его опять проступает самодовольство.

– Нравится? – больше утверждает, чем спрашивает он.

– Вы в отличной форме, – признаю я, поспешно отводя взгляд. – Но вряд ли фото с голым торсом добавит вам очков.

– Почему это?

– Это мужчины любят глазами, а мы, женщины, в первую очередь, обращаем внимание на другое.

– И на что, интересно? – ехидно уточняет он. – На кошелек?

– Нет, на поступки.

Кузнецов смотрит на меня снисходительно:

– На свидании я впечатлю поступками. Но до него еще нужно дойти.

– Вот именно! – киваю я. – Полуголое фото прямо кричит, что вы кобель. Серьезные девушки вас забракуют.

– Не говори глупостей! – отмахивается он. – Серьезные девушки тоже любят горячих парней.

Ну и придурок! Зачем он вообще меня нанял, если даже не пытается прислушиваться к моим советам?

– Я бы вас точно забраковала, – цежу я.

Наши взгляды скрещиваются.

– Это не аргумент, Танчик, – с усмешкой возражает Кузнецов. – Может, у тебя просто слабая половая конституция? Я не слишком расстроюсь, если такие ледышки, как ты, будут обходить меня стороной.

– Как специалист, я все-таки рекомендую вам отказаться от обнаженки, – мрачно говорю я.

Он раздражается, скрещивает руки на груди:

– Хорошо, допустим, я откажусь. Но на что тогда мне цеплять девушек?

– Можно заснять, как вы что-то готовите, – предлагаю я. – Или как сажаете дерево. Это как раз будет про поступки.

– Сажаю дерево? – Его голос источает ехидство. – Где ты раньше-то была? Я за свою жизнь тысячи деревьев уже посадил и не знал, что это надо было запечатлеть.

– Зачем вы сажали деревья? – не понимаю я. – Где?

– Танчик, ты от стресса, что ли, подтормаживаешь? – Он пару раз щелкает пальцами у моего лица. – Тебе же Серега говорил, что у меня свой агрокомплекс.

– Разве? У вас же аптеки…

В голове у меня проясняется. Боже, я – идиотка! «Кузне-

цовфарм» – это от английского слова «ферма», а не от слова «фармацевтика». Кузнецов у нас фермер. Деревенщина!

– Ох, теперь понятно, – вырывается у меня.

Кузнецов напрягается:

– Что именно тебе понятно?

– Все.

Глава 8

Резкий стук в балконную дверь заставляет нас с Кузнецовым вздрогнуть. По стеклу расплющивается лицо Пашки.

– Теть Тань, а может, все же наггетсы закажем? – робко канючит он. – Я Машку уговорю, чтобы не спорила.

Вид у него крайне несчастный. Хотя это и понятно: на пацана столько всего свалилось – сначала у мамки кукушку перемкнуло, а теперь еще и чужая тетка голодом морит.

– Василий, давайте сделаем небольшой перерыв, – умоляю я. – Мне нужно метнуться за продуктами, чтобы было чем покормить детей.

– Ладно, – снисходит он. – Но шопиться пойдем вместе.

– Это еще зачем?

– Чтобы быстрее было. Вы, женщины, в магазинах ведете себя как куры: таращитесь по сторонам, общаетесь с бабульками всякими. А у меня времени в обрез. Я пойду с тобой и проконтролирую, чтобы ты ни на что не отвлекалась.

Я ему крайне признательна за сговорчивость, потому не спорю, даже из благодарности предлагаю:

– Давайте я вас все же сниму вот так – полураздетым. На странице в «Контактике» выкладывать не буду, но, может, для личной переписки и пригодится.

Кузнецов оживляется. Он всячески демонстрирует мне свои мускулы, а я щелкаю камерой.

– Можно еще и на диване пофоткаться, – чуть погодя предлагает он. – Типа я такой горячий, лежу и жду в ночи свою единственную.

– Ну пойдемте.

Мы выгоняем из комнаты Машку, и Кузнецов разваливается на диване.

– Классный? – спрашивает он, закидывая руки за голову.

Я стараюсь не ржать.

– Вообще огонь!

Он светится от удовольствия. Я несколько раз щелкаю камерой, а потом вхожу в раж.

– Больше экспрессии, жеребец! – командую я. – Вдруг и правда будет с кем-то жаркая переписка.

– Если будет, ты мне сразу пиши, я тебе еще каких-нибудь фоток скину.

– Интересно, каких? Мужское достоинство, что ли, сфоткаете?

Он ни капли не смущается.

– Могу и его.

– Вы серьезно? – Я даже замираю на пару секунд. – Вы будете слать мне фотки интимного характера, чтобы я их пересылала девушкам? Да ну на фиг!

– А что такого? – Кузнецов, кажется, не понимает, чем я обескуражена. – Природа меня не обидела, есть чем похвастаться.

– Так, все. – Я отключаю камеру телефона. – Натягивайте

рубашку и пойдемте.

– Твою ж мать… – Кузнецов странно дергает рукой. – Что за…

На его запястье выступает кровь.

– Что случилось? – не понимаю я.

Он приподнимает одну из диванных подушек и достает из-под нее огромный кусок стекла. Я сразу опознаю в нем часть своей многострадальной люстры.

– Паша! – реву я.

Сын подруги прибегает к нам со счастливым видом. Я показываю на осколок в руках Кузнецова:

– Твоих рук дело?

Пашка стремительно краснеет, потом бледнеет.

– Я тут ни при чем! – бормочет он. – Меня Машка заставила. Я не хотел брать.

– Пластырь есть? – с невозмутимым видом вмешивается в наши разборки Кузнецов.

– Да, есть, – спохватываюсь я. – Сейчас принесу.

Я бегу в прихожую – к сумочке, выуживаю из нее пачку пластыря. Я его только недавно купила: как чувствовала, что пригодится.

Машка и Пашка жмутся к двери с виноватым видом. Наверное, уже и не надеются на перекус.

Я возвращаюсь в комнату, швыряю пластырь Кузнецову.

Когда он распечатывает коробку, глаза его лезут на лоб. Дело в том, что пластырь у меня веселый – с картинками:

с розовыми зайцами и разноцветным мороженым.

– Это что? – рычит Кузнецов.

– Что было в супермаркете по акции, то и взяла, – огрызаюсь я.

Он чертыхается. Я подаю ему салфетку, чтобы вытереть кровь. Порез у него внушительный.

– Ладно, залепляй, – соглашается Кузнецов, видя, что кровь и не думает останавливаться. Я тут же наклеиваю ему на руку несколько цветастых прямоугольников.

– А вам даже идет! – смеюсь я. – Вы сразу такой праздничный стали.

Он внезапно хватает меня за руки и тянет на себя. От неожиданности я теряю равновесие и падаю. Правда, Кузнецов ловит меня в объятья, а потом перекатывает на диван.

– Ай! – пищу я. – Вы чего?

– Это месть! – цедит Кузнецов. – За пластырь.

Он наваливается на меня, наши лица оказываются близко-близко. Мне вдруг становится нестерпимо жарко.

– Нравится издеваться надо мной? – хрипло шепчет Кузнецов. – Удовольствие получаешь?

– Что? У меня и в мыслях не было издеваться.

Он убирает с моего лица прядь волос, прищуривается.

– Лучше не обижай меня, Танчик. Я с детства злопамятный.

– Я… Вы… – Мысли в голове путаются. На меня уже сто лет не наваливались полуголые мужики. Да и, если говорить

откровенно, мускулистые парни вообще не наваливались на меня ни разу. За всю жизнь у меня был лишь один мужчина – мой муж. Он с детства довольно худенький, хоть и ел всегда за троих.

Пока я все это обдумываю, Кузнецов встает, подхватывает рубашку.

– Переодевайся давай, – сердито говорит он. – Или ты собираешься идти в халате?

– А вам не все равно, как я пойду?

Он пожимает плечами.

– В принципе, мне без разницы. Я просто хочу быстрей уже сходить в магазин и продолжать работу. У меня вечером еще одна важная встреча, мне надо на нее успеть.

Он выходит из комнаты и прикрывает за собой дверь. Видимо, намекает так, чтобы приступала к сборам.

Я снимаю халат, бросаю его на диван.

Дверь вдруг приоткрывается, в проеме появляется лицо Кузнецова.

– Танчик, мы тебя на улице подождем, – говорит он. – Пусть дети порезвятся немного, пока ты тут марафет наводишь.

Его как будто не смущает, что я стою посреди комнаты в одном белье. А я никак не могу решить: мне лучше прикрыться или сохранять невозмутимость?

– Осколок выбросить не забудь, – напоминает Кузнецов. – Пока еще кто-нибудь не наткнулся.

– Ага, выкину.

Он собирается скрыться за дверью, но спохватывается.

– А телефон мой где?

– На столике в прихожей, рядом с сумочкой. Я оставила его там, когда ходила за пластырем.

– Кстати… – Кузнецов смотрит многозначительно и молчит.

– Что? – не выдерживаю я. – Что, кстати?

Он медленно, с наслаждением очерчивает взглядом мою фигуру.

– Обои у тебя прикольные.

Мне хочется швырнуть в него что-нибудь тяжелое. Утюг, например. Или горшок с фикусом. Но, конечно, я держу себя в руках. В квартире дети, если я нанесу Василию тяжкие телесные повреждения, это может повредить их психику.

– И все же я бы, на твоем месте, лучше покрасил стены, – добавляет Кузнецов. – Обои при горении выделяют опасные вещества.

– Василий, не время обсуждать обои,– скрежещу я, – тем более я их поджигать не собираюсь. Дайте мне уже переодеться!

– Ой, прости, – Его губы трогает улыбка. – Переодевайся, конечно.

Он еще раз оглядывает комнату.

– М-да… У тебя еще и окна пластиковые. Случись чего – надышишься гадости.

Я подхватываю с дивана одну из подушек и запускаю в Кузнецова. Он понимает намек – отваливает наконец и захлопывает дверь.

Кошмар какой-то! Такого чокнутого заказчика у меня еще не было. А может, не стоило доверять ему детей?

А-а-а! Точно не стоило.

Меня охватывает паника. Я бросаюсь к шкафу, выуживаю первые попавшиеся майку и шорты. Сердце бухает где-то в ушах, руки дрожат. Я впопыхах одеваюсь, отключаю телек и выскакиваю в прихожую. Но там уже никого.

***

Наверное, когда я выбегаю во двор, вид у меня немножко чокнутый. Воображение рисует страшные картины киднепинга и жестокого убийства (Соней меня). Но опасения оказываются напрасными. Василий и дети играют на площадке с фрисби. С ними еще какие-то мальчишки и бодрый дядька пенсионного возраста. Все кричат и визжат, то и дело валятся на газон.

Мне неловко прерывать такую задорную игру. Я сажусь на скамейку и терпеливо жду, когда на меня обратят внимание. Происходит это минут через пятнадцать. Меня замечает Пашка, говорит об этом Василию. Василий начинает махать мне, приглашая присоединиться к игре. Вид у него такой взъерошенный и счастливый, что на мгновение получается вообразить, как Василий выглядел, когда был мальчишкой.

Я жестами напоминаю ему, что нам надо в магазин. Василий отмахивается. Я – человек слабохарактерный, потому решаю дать ему и детям еще десять минут.

Выделенное мною время незаметно подходит к концу. И тут ко мне подсаживается незнакомая бабуля в голубом сарафане и босоножках на шерстяной носок.

– Какие детки у вас хорошенькие! – говорит она. – На папу похожи.

Я молчу. Понимаю, что если начну объяснять, кто тут из нас кому приходится, запутаю бабушку. Да и вообще непонятно, как окрестить Кузнецова. Кто он мне? Клиент? Звучит жутко пошло.

– А у нас тут неподалеку кружок по шахматам заработал, – продолжает бабуля, – не хотите своих отдать? Кружок очень хороший. Моя племянница ведет. У них там и кулер есть, и скамейки, и даже кондиционер скоро поставят.

– Мои дети шахматами не интересуются, – бормочу я.

– Так надо заинтересовать! – Бабулю переполняет энтузиазм. – Вы не ленитесь, приводите детей в кружок. Шахматы, они же мозги развивают, и успеваемость школьная от них улучшается.

– Ладно, я подумаю над этим, – обещаю я, надеясь, что бабуся теперь отстанет.

– Да что думать! – рыкает бабуля. – Вы на пробное занятие сначала сходите, а потом думайте. Я вас сейчас запишу.

Она со скоростью фокусника выуживает из кармана сара-

фана телефон и начинает кому-то названивать.

– Не надо, – оторопело мямлю я. – Не надо нас никуда записывать, пожалуйста! Мы, может быть, скоро на море уедем.

– Да не волнуйтесь, – посмеивается бабуля. – Я вас прямо на завтра и запишу.

Я молюсь, чтобы она никуда не дозвонилась, но мне не везет. Абонент старушки снимает трубку уже после второго гудка.

– Катюш, а я тебе учеников нашла! – радостно сообщает в телефон бабушка. – Завтра в одиннадцать посмотришь их? Что? Ну да, способные. – Бабуля косится на Машку с Пашей. – Ты не представляешь, какие детки хорошие: все на лету схватывают! Фамилия? Сейчас спрошу?

Бабуля смотрит на меня:

– Какая у вас фамилия?

– Кольцова, – бормочу я, не имея понятия, как выкручиваться.

– Кольцовы они! – кричит бабуля в трубку. – Записала? Давай тогда, до вечера. Не забудь окрошку в холодильник убрать, как поешь.

Я вжимаюсь в скамью и умираю со стыда.

– Вон в том доме, с торца вход, – объясняет бабуля, активно жестикулируя. – Катя моя вас на крыльце встретит. Она у нас педагог ответственный, детей любит.

– Мы в магазин-то идем? – раздается над моей головой

недовольный голос Кузнецова. – Или ты так и будешь тут лясы точить до вечера?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.